ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 101 (2484) Суббота, 18 декабря 1948 г. Цена 40 коп.

Братское единство

Советская литература — самая передовая, самая идейная и самая революционная литература мира, ознаменовавшая новый шаг вперед в художественном развитии человечества. Ее вдохновляют идеи коммунизма. Материалом для нее служит новая социалистическая действительность; героический труд людей нашей Родины, строящих под руководством великой партии Ленина—Сталина коммунистическое общество, является для нее неиссякаемым источником вдохновения.

Советская литература развивается, как единая по социалистическому содержанию, по идейной направленности и в то же время как многообразная, разнообразная по национальной форме литература братских народов, входящих в великое содружество Союза Советских Социалистических Республик. В единстве цели и идейных устремлений, в творческой дружбе — одна из основных причин ее стремительного развития и роста.

Это наглядно показали только что прошедшие на пленуме правления Союза советских писателей доклады и содоклады об армянской, латышской и казахской литературах и развернутые по ним прения.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве сыграли решающую роль в том новом под'еме, которого достигли наши братские литературы. Полным голосом и с великой радостью говорили докладчики и представители республик о достижениях своих литератур — о победе метода социалистического реализма, о появлении новых талантливых произведений, о повороте писателей к темам современности, о притоке в литературу молодых сил. Каждый из докладчиков подчеркивал, какое благотворное воздействие на развитие родной литературы имеет влияние русских писателей—ведущего отряда многонациональной советской литературы, взаимообщение литератур всех советских республик.

А. М. Горький на первом с'езде советских писателей говорил о национальных писателях:

«У меня нет никаких причин и желаний выделять их на особое место, ибо они работают не только каждый на свой народ, но каждый — на все народы Союза социалистических республик... История возлагает на них такую же ответственность за их работу, как и на русских».

За четырнадцать лет, прошедших с тех пор, наши братские литературы, даже те, в которых несколько лет назад играла устная поэзия (например, казахская литература), сделали огромный шаг вперед. Высокая требовательность к творчеству писателей любой из литератур насущно необходима — народы нашей страны ушли так далеко вперед в своей экономике и культуре, что ни один из них не потерпит отставания родной литературы.

Понимание ответственности перед своим народом и перед советским народом в целом, глубокое взаимное уважение, гордость успехами национальных литератур и высокая требовательность к ним определили ту атмосферу нелицеприятной критики и самокритики, большевистской партийности в постановке вопросов, ту деловую атмосферу, в которой проходит пленум.

В чем основной недостаток наших братских литератур? В том, что писатели еще не научились, а иные и плохо учатся изображать героя нашего времени — советского человека, устремленного в коммунизм, в его основном качестве, в его самоотверженном патриотическом труде на благо Родины. В своем творчестве некоторые писатели еще недостаточно руководствуются высоким принципом большевистской партийности, обязывающим нас к беспощадной борьбе с прошлым, отжившим, к решительной поддержке нового, развивающегося.

Тема рабочего класса почти не затрагивается многими литературами, хотя именно эта тема является сейчас весьма актуальной для всех литератур. В результате сталинских пятилеток, развития нашей промышленности в годы войны и успешной реализации плана послевоенной пятилетки в жизни даже тех республик, в которых, как сказал С. Муканов о Казахстане, «рабочего класса в полном смысле этого слова раньше не было», произошел огромный качественный скачок, приведший к массовому рождению советского рабочего класса.

Новое колхозное крестьянство, новая социалистическая интеллигенция также не нашли пока достойного отображения в литературе.

Наконец, писатели братских литератур еще только приступают к показу в своих произведениях руководящей, организаторской роли партии — вдохновительницы всех наших побед. Литературные образы партийных руководителей и партийных работников, как правило, свидетельствуют пока лишь о понимании писателями роли партийного руководства в нашей жизни, а не об умении показать эту роль в живых и ярких образах.

Причина отставания литературы, прежде всего, в недостаточном знании жизни. особенно тех изменений, которые произошли в ней за последние годы. А без этого знания невозможно раскрыть идейный смысл событий и характеры советских людей, их моральную высоту и большевистскую идейность.

Развитию наших братских литератур,— и это блестяще показал К. Симонов на примере армянской литературы,—очень мешает отсутствие ясности в вопросе о литературном наследстве, о традициях. В литературоведении многих братских республик доселе бытует порочная, антиленинская теория «единого потока», согласно которой все писатели прошлого, без учета их социально-творческого облика, об'являются демократами и борцами за освобождение народа. Смешивание в одну кучу писателей и поэтов, творчество которых выросло под влиянием русской революционно-демократической мысли, а также поэтов, выражавших революционные чаяния рабочего класса, с представителями буржуазно-националистических кругов, неумение, а иногда и нежелание отделить в творчестве выдающихся писателей прошлого прогрессивное начало от их ошибок и заблуждений, — все это связано с рецидивами буржуазного национализма в произведениях отдельных литераторов, с некритическим продолжением старых, обветшавших традиций, все это уводит литературу от живой действительности.

Правильная, марксистско-ленинская оценка прошлого своего народа с высот социалистического настоящего так же необходима для писателя, как и понимание им ведущей исторически прогрессивной роли революционно-демократической России в развитии культуры этого народа. Как удачно подчеркнул в своем содокладе Б. Горбатов, роман М. Ауэзова «Абай» потому и явился большой победой советской литературы в целом, что в этом романе мы находим правильное освещение и прошлого казахского народа и взаимоотношений русского и казахского народов во всей их исторической сложности.

Давно прошли те времена, когда делались «скидки» на незрелость той или другой из братских литератур и несколько ослаблялась критика их слабостей и недостатков. Все отряды многонациональной литературы Советского Союза создают первоклассные произведения, подобно роману «Абай» замечательного казахского писателя Ауэзова, и критика недостатков любой из наших литератур ведется на пленуме, со всей силой, как свидетельство зрелости, творческой мощи и еще более чудесного будущего великой многонациональной советской литературы.

Одним из свидетельств этой зрелости является высокий теоретический уровень обсуждения вопросов социалистического реализма на пленуме. Выступающие в прениях представители братских литератур подчеркивают необходимость партийного понимания социалистического реализма и критикуют различные виды отступления от этого понимания (отвлеченный пафос, натурализм, отрыв от современности и т. д.). Внимание к нашей живой действительности, строительству коммунизма, как к источнику художественного вдохновения, — вот главная мысль пленума.

Овладение мастерством на данном этапе развития многих наших литератур становится важнейшим условием их дальнейшего роста. Об этом справедливо говорили Б. Горбатов, А. Сурков и ряд других выступавших.

Успешной ликвидации недостатков мешает еще сохранившаяся в ряде республиканских писательских организаций атмосфера приятельских отношений, беспринципной «лойяльности» друг к другу, отсутствие подлинной критики и самокритики в литературной среде.

Правильной и острой критике была подвергнута работа Союза советских писателей СССР и его органов, слабо руководивших развитием литературы в республиках.

Горячая большевистская забота о росте и расцвете всех литератур нашей Родины и всей советской литературы в целом, любовь к русской литературе, чувствовавшаяся в выступлениях представителей братских республик, и уважение и гордость русских писателей успехами братских литератур — все это сыграло решающую роль в том, что многие насущные вопросы литературного развития получили правильное освещение в ходе работы пленума.

Обсуждение вопросов развития братских литератур на пленуме правления ССП СССР продемонстрировало полное взаимопонимание и единство всех сил нашей многонациональной литературы. В этом — залог ее дальнейшего расцвета и роста.

Под направляющим руководством великой партии большевиков, выпестовавшей нашу многонациональную литературу, обеспечившей своей неустанной заботой новый ее под'ем, советские писатели уверенно движутся по пути социалистического реализма, по пути создания новых произведений во славу своего народа, партии и великого ее вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

XII пленум правления ССП СССР

15 декабря в Москве, в Центральном доме литераторов, открылся XII пленум правления Союза советских писателей СССР.

В президиуме собрания — крупнейшие советские писатели: А. Фадеев, К. Симонов, А. Софронов, Л. Леонов, К. Федин, В. Вишневский, Ф. Панферов, С. Вургун, Наири Зарян, Сабит Муканов, А. Сирас, И. Семпер, И. Муйжниек, А. Венцлова, Н. Тихонов, В. Кожевников, С. Маршак, А. Сурков, А. Караваева и приехавшие в Москву гости — писатели стран народной демократии Мария Грубешлиева, Людмил Стоянов, Крум Кюлявков (Болгария), Ян Дрда (Чехословакия), а также бразильский писатель Жоржи Амаду.

Заседание открыл генеральный секретарь Союза советских писателей СССР тов. А. Фадеев.

Пленум посвящен развитию армянской, латышской и казахской советских литератур после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», а также состоянию советской драматургии и кинодраматургии после постановлений ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров и о кинофильме «Большая жизнь».

С докладом об армянской литературе выступил А. Сирас. Содоклад сделал К. Симонов. О латышской литературе сделал доклад И. Муйжниек, содоклад — А. Сурков, о казахской литературе—С. Муканов и содоклад—Б. Горбатов. (Доклады и содоклады печатаются в сегодняшнем номере «Литературной газеты» по сокращенной стенограмме).

В прениях по этим докладам и содокладам выступили М. Ибрагимов, Б. Кербабаев, Н. Золотарев, М. Ауэзов, Я. Плаудис, И. Семпер, А. Тимонен, А. Токомбаев, Амазаспян, М. Шагинян, К. Зелинский, В. Кирпотин, Е. Златова, П. Скосырев, Е. Ковальчик, С. Бородин, Н. Зарян, Л. Климович, Ц. Султанов, А. Лупан А. Харисов и другие.

После прений докладчики и содокладчики выступили с заключительными словами.

Вечером 17 декабря пленум заслушал доклад А. Софронова «Советская драматургия после Постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров от 26 августа 1946 года». По докладу начались прения.

XII ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Армянская советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Доклад секретаря ССП Армении А. Сираса

— Для развития армянской советской литературы, как и литературы всего Советского Союза, — сказал А. Сирас, — решающим поворотным пунктом явились историческое постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года и доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». В свете этого постановления партийные и литературные организации республики выявили те существенные недостатки, которые тормозили развитие армянской литературы.

Докладчик говорит о том, что ЦК КП(б) Армении регулярно занимался вопросами литературы, своевременно указал ошибки, препятствующие ее росту. В декабре 1947 года в постановлении «О мерах по усилению идеологической работы в армянской партийной организации» ЦК КП(б) Армении отметил, что «недостаточная борьба за большевистскую партийность в науке, литературе и искусстве, слабое знание марксистско-ленинской теории кадрами интеллигенции, забвение ленинско-сталинского положения о необходимости критического освоения культурного наследия привели к некоторому оживлению пережитков буржуазно-националистической идеологии».

Большое внимание вопросам литературы уделил состоявшийся в ноябре этого года XIV с'езд коммунистической партии большевиков Армении. Секретарь ЦК КП(б) Армении тов. Г. А. Арутюнов, подводя итоги работы на идеологическом фронте, сказал: «Развернув работу по усилению идейно-политического воспитания трудящихся, партийная организация Армении встретилась с такими явлениями, как одностороннее увлечение древней историей некоторыми учеными, писателями, работниками искусства и другими творческими работниками, которое привело их к идеализации древней Армении, затушевыванию классовой борьбы и эксплоататорской сущности социального строя древней Армении, к переоценке исторических личностей и событий и к изображению истории в искаженном, ложном виде... Указанные ошибки, выразившиеся в идеализации прошлого и проявлениях буржуазного национализма, имели место также в области художественной литературы, в отдельных произведениях некоторых писателей, как, например, в стихотворениях С. Таронци, Ашота Граши, Г. Эмина, С. Капутикян, в романе «Вартаниды» Д. Демирчяна, в повести «Звартноц» В. Хечумяна, в пьесе «Тигран II» Х. Даштенца, исторической драме «Ара Прекрасный» Наири Заряна и др.».

Одностороннее увлечение некоторых писателей исторической тематикой было серьезной помехой дальнейшего развития нашей литературы. На это справедливо указал тов. А. А. Фадеев на прошлом пленуме ССП СССР.

Большевистская критика ошибок в творчестве армянских советских писателей сыграла положительную роль. Писатели серьезно занялись исправлением этих ошибок и созданием новых произведений, отображающих нашу сегодняшнюю жизнь. Книги, вышедшие в свет после исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, показывают, что советская литература Армении вступила в новый этап развития.

Разнообразен круг интересов наших писателей, богата наша жизнь. Некогда отсталая крестьянская Армения ныне стала одной из передовых индустриально-аграрных советских братских республик. Поэтому естественно, что социалистическая деревня занимает большое место в творчестве наших писателей.

Говоря о произведениях, характеризующих под'ем армянской советской литературы, докладчик называет талантливый роман Н. Заряна «Ацаван», посвященный колхозному строительству в Армении. В романе показаны не только преимущества колхозной жизни, но и образы передовых советских людей, для которых строительство коммунизма стало делом жизни.

Послевоенная жизнь армянской деревни изображена в повести М. Давтяна «Ива». Автор правдиво нарисовал характеры своих героев, передал поэзию колхозного труда.

Достойна внимания книга на историко-революционную тему — роман молодого писателя А. Овсепяна «Сердце» — о славном революционере Гукасе Гукасяне. Много страниц этой книги посвящено дружбе армянского народа со своим старшим братом — великим русским народом. Жизнь и борьбу выдающегося армянского революционера-демократа М. Налбандяна описывает А. Аракеман в романе «Дорога на Камышин», но автору надо еще много поработать для того, чтобы создать художественный образ М. Налбандяна.

Событиям Великой Отечественной войны, участию в ней армянского народа посвящены сборник рассказов Р. Кочара «Священный обет», повесть Г. Комуни «Он ищет свое дитя», два сборника новелл и очерков А. Мкртчяна. Основная тема этих книг — советский патриотизм. Авторы нарисовали образы наших воинов— армян, русских, украинцев, азербайджанцев, грузин, в тесном строю сражавшихся против врага. Хорошо переданы патриотические чувства и фронтовые переживания советского человека в сборнике стихов А. Сагияна «На берегу Воротана». Г. Борян в книжке стихов «Ереванские рассветы», наряду с военными стихами, большое место уделил теме строительства нового Еревана. О Советском Союзе, стоящем во главе прогрессивного человечества, повествуют сборники В. Григоряна «Родные мотивы» и «Моя песня», о сталинской дружбе советских народов — стихи Г. Сарьяна, С. Капутикян, песни Сармена.

В некоторых произведениях армянских советских писателей изображена жизнь зарубежных государств. О демократическом движении в Иране пишет Г. Севунц в романе «Проспект Свободы». С. Вагуни написал ряд стихов, направленных против американского империализма. Вопросам международной жизни посвятили свои стихи Н. Зарян, Г. Эмин, Р. Ованнисян. Эти стихи проникнуты гордостью советского человека за свою советскую Родину.

Армянская советская литература пополнилась способными молодыми поэтами и прозаиками, начавшими писать в годы войны. Среди них — Р. Ованесян, С. Арутюнян, А. Айвазян, В. Давтян, П. Севак, П. Джотян. Творчество их различно по краскам и оттенкам, но его питает единый источник — чувство дружбы братских советских народов, интернационализм. Правда, в их тематике еще заметно однообразие, большинство молодых авторов пишут пока, главным образом, на военные сюжеты.

Союз писателей Армении создал комиссию по работе с молодыми писателями. Члены этой комиссии — лучшие, активнейшие писатели старшего поколения—регулярно оказывают творческую помощь молодым авторам.

— В последние годы, — сказал А. Сирас, — в наши ряды влилась группа репатриированных армянских писателей — А. Терзян, А. Арман, Ш. Варсян, Г. Кешишян и др. Они, долго мечтавшие о свободной родине, нашли ее в Советской Армении и теперь горячо воспевают социалистическую отчизну.

— Я отметил некоторые успехи в нашей литературе, — продолжает докладчик,—но мы не можем удовлетвориться ими. Для более полного и широкого отображения нашей жизни в художественных произведениях большая группа писателей была в этом году командирована в колхозы и на стройки. Мы уже чувствуем положительные результаты этого мероприятия.

А. Сирас называет писателей, работающих над новыми произведениями. Старейший армянский писатель А. Исакян создает цикл рассказов об исторических судьбах армянского народа; Д. Демирчян пишет роман о столице Советской Армении — социалистическом Ереване; С. Зорян—повесть о советской семье; М. Арази—роман «Наша страна». Молодая писательница А. Сагинян провела год на Севанстрое и теперь работает над романом о людях этой крупнейшей новостройки в Армении. Наири Зарян заканчивает драматическую поэму «Арменуи» о тружениках колхозных полей. Х. Тапалцян подготовил к печати второй том романа «Война». Новые произведения создают О. Шираз, Р. Погосян, А. Граши, Ахавни, З. Дарян, Г. Эмин, С. Паязат, В. Хечумян и др.

Некоторых достижений добились и армянские советские драматурги. Второй год с успехом идет в театре пьеса Г. Боряна «На высотах». Она повествует о героических подвигах советских воинов в трудные дни обороны Кавказа. Труду армянских колхозников посвящена пьеса «Девушка Араратской долины» М. Чаманова и Г. Габриэляна. О радостной трудовой жизни репатриированных армян в советской стране рассказывает пьеса Ашота и Арама Папаян «Счастливцы».

Далее докладчик подробно характеризует состояние литературы для детей. С этого года в республике издается ежемесячный иллюстрированный журнал «Октябренок» для младших школьников.

Журнал опубликовал удачные, имеющие воспитательное значение рассказы С. Зоряна, О. Шираза, стихи Ахавни и. др.

За два последних года немало книг для детей и юношества выпустил Армгиз. Среди них есть, несомненно, удавшиеся, как, например, сборник стихов Г. Боряна «Букет», повесть С. Куртиняна «Солнечный полуостров»—об освобождении Крымского полуострова от немецких захватчиков, сатирическая сказка Н. Заряна «Зверь зверей», книжки Г. Тарвердяна, Р. Габриеляна и др. Но мало таких книг, которые увлекательно рассказывали бы о трудовых подвигах рабочих, колхозников, интеллигенции республики; мало книг, рисующих жизнь пионеров и школьников, их борьбу за высокие показатели в учебе.

— Мы могли бы,—говорит А. Сирас,— иметь больше хороших произведений для детей, если бы наша литературная критика серьезнее занялась вопросами детской литературы, выявила бы недостатки в творчестве некоторых детских писателей и систематически помогала этим писателям. Из-за отсутствия критики, из-за того, что во-время не было принято необходимых мер, выпущено в свет несколько низких по качеству, идейно порочных книг для детей. Детская литература является самым узким местом в работе армянских писателей, она нуждается в особой заботе и серьезном внимании.

Касаясь отдельных недостатков, имеющихся в творчестве армянских писателей, А. Сирас об'ясняет их тем, что многие писатели слабо вооружены теорией марксизма-ленинизма. Сейчас при Союзе писателей Армении организован филиал университета марксизма-ленинизма, проводятся теоретические конференции. Реорганизуется работа творческих секций Союза писателей.

— Для нового под'ема литературы,— говорит докладчик,—нам нужно разрешить ряд важнейших вопросов. Один из них— это вопрос о связи социалистического содержания и национальной формы художественных произведений. Ошибка некоторых писателей заключается в том, что они понимают национальную форму, как застывшую догму, и до сих пор пользуются теми традиционными приемами, какими пользовались писатели в древние и средние века. Если, скажем, поэт пишет о любви, он непременно уподобляет предмет любви «монастырю, куда ходил паломником молиться»; если изображается герой, то он обязательно держит в руках «меч-молнию»; если изображены чувства матери, то она оценивает своего сына дороже «всех алмазов и жемчугов мира». Подобные образы мешают выражению нового социалистического содержания. Писатели должны стремиться к поискам формы, соответствующей духу нашего времени, облику и чувствам советского человека.

В направлении творческой деятельности литераторов важную роль должны играть печатные органы Союза писателей Армении —журнал «Советакан граканутюн ев арвест» и газета «Гракан терт». Журнал, перестроив работу в соответствии с историческими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, стал печатать больше произведений на темы современности, решительнее бороться против чуждых влияний в литературе. На страницах журнала опубликовано около 70 статей по вопросам литературы и рецензий о книгах. В истекшем году редакция журнала много печатала переводов из русской современной литературы. Однако она не сумела привлечь всех армянских писателей к созданию новых оригинальных произведений, плохо работала с авторами. Газета «Гракан терт» неудовлетворительно выполняла свою роль организатора литературы, критиковала выпускаемые книги поверхностно и порой беспринципно, не направляла творческую деятельность писателей.

ЦК КП(б) Армении принял меры к улучшению работы критиков и литературоведов. Это помогло улучшить состояние литературоведения. Недавно выпущен в свет сборник статей «Проблемы советской литературы». Подготовлена к выпуску «История армянской литературы» в трех томах. Критика проделала определенную работу по разоблачению реакционной идеологии буржуазных националистов и дашнаковцев. Но и впредь одной из существенных задач критики должна быть борьба против всяческих проявлений буржуазного национализма и национал-нигилизма, за правильное освоение и использование литературного наследства.

А. Сирас говорит далее о плодотворной работе русских переводчиков, благодаря которым лучшие произведения армянской литературы стали достоянием читателей всей советской страны. В то же время докладчик критикует национальную комиссию по армянской литературе ССП СССР, редакцию «Литературной газеты» и альманах «Дружба народов» за недостаточное внимание к насущным нуждам армянской советской литературы и слабую связь с писателями республики.

— Армянская советская литература,— заключает доклад А. Сирас, —живет интересами всего советского народа, она пронизана чувством советского патриотизма. сталинской дружбы народов.

Основная задача, которая стоит теперь перед армянскими писателями, — изображение прекрасной социалистической действительности Советской Армении, показ ее замечательных людей. Для этого необходимо глубокое изучение нашей действительности. Незнание жизни приводит писателей к схематизму, к показу манекенов вместо глубокого раскрытия характера советских людей. Схематизму нужно об'явить беспощадную борьбу.

XIV с'езд коммунистической партии большевиков Армении прямо указал нам: «Неотложной задачей писателей Армении считать осуществление исторических решений ЦК ВКП(б) по созданию высокоидейных и художественно ценных произведений, отображающих героику социалистического строительства и духовный облик советских людей, вести решительную борьбу против аполитичности и безидейности в литературе».

Армянские советские писатели направят все усилия к тому, чтобы выполнить эту задачу. Мы имеем все возможности для того, чтобы удовлетворить возрастающие запросы наших читателей —создать во всех жанрах литературы новые значительные высокоидейные и художественно ценные произведения, достойные советского народа.

«Люди колхозных полей»

Обсуждение книги П. Ангелиной в селе Старо-Бешево

Записки знатной трактористки, Героя Социалистического Труда П. Ангелиной «Люди колхозных полей», впервые напечатанные в журнале «Октябрь», а затем изданные отдельной книгой, вызвали большой интерес в стране. Книга, ярко рассказывающая о новой жизни колхозного села, пользуется большой популярностью у трактористов, комбайнеров, бригадиров и всего колхозного актива. Тысячи откликов получила Ангелина от читателей, живущих в разных районах страны.

В начале января 1949 года Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)У совместно с журналом «Октябрь», «Литературной газетой» и Украинским издательством художественной литературы созывает на родине автора книги в с. Старо-Бешево, Сталинской области, читательскую конференцию, посвященную обсуждению книги «Люди колхозных полей».

Кроме трактористов, колхозников, агрономов Старо-Бешева в конференции примут участие знатные люди колхозной Украины, а также московские, киевские писатели и критики. Для участия в конференции приглашена большая группа Героев Социалистического Труда, мастеров высоких урожаев — тт. Марк Озерной, Мария Лысенко, Пенчо Пенчев, бригадиры тракторных бригад Шульга, Гиталов, первые стахановки сельского хозяйства — пятисотницы, ныне агроном колхоза Мария Демченко и научный сотрудник одного из киевских институтов Марина Гнатенко, зачинатели колхозного движения на Украине — председатель колхоза им. Буденного, Одесской области, Макар Посмитный и председатель колхоза «Завоевание Октября» Федор Дубковецкий.

К конференции в Старо-Бешеве готовится выставка книг, написанных знатными людьми колхозной Украины.

В стойбища Якутии

ЯКУТСК. (Наш корр.). Питомцы двадцати трех медицинских институтов Москвы, Иркутска, Иванова, Молотова, Ростова, Томска, Астрахани, Саратова, Новосибирска, Воронежа и других городов страны приехали в нынешнем году на работу в Якутию.

В далекую северную республику прибыли 135 молодых врачей и 126 специалистов, окончивших медицинские техникумы и школы. Кроме того, в Якутске подготовлено в 1948 году 100 фельдшеров и акушерок. В течение одного года Якутия получила новое квалифицированное пополнение — 360 медицинских работников.

Все они трудятся ныне в Оленеке, Моме, Средне-Колымске и других городах, селах и стойбищах республики.

В 1947—1948 гг. открылись новые больницы в Якутске, Амге, Борогонцах, Верхне-Вилюйске. В ближайшее время закончится строительство стационара в Верхоянске и больницы в Сунтаре.

Огромное санитарно-оздоровительное значение имеет переселение колхозников в новые поселки из разбросанных по тайге юрт. Пятилетний план Якутской АССР предусматривает ликвидацию этих задымленных тесных жилищ. Свыше 20 тысяч колхозных семей якутов, эвенов, эвенков, луораветланов, одулов уже переселились в благоустроенные дома.

В новых селениях, расположенных в живописных местах на берегах рек и озер, строятся электростанции, радиоузлы, школы, клубы, кинотеатры, создаются медицинские пункты, родильные дома, женские консультации, детские ясли, детские сады.

Печатные труды автозаводцев

Инженеры и рабочие московского автозавода имени Сталина за последнее время написали ряд технических книг и брошюр, посвященных вопросам производства.

Заслуживает внимания недавно вышедший из печати труд главного металлурга завода лауреата Сталинской премии А. Ассонова «Термообработка деталей». Книга рассчитана на инженерно-технических работников и студентов.

Вышла из печати книга инженера В. Гостева «Качество штампованных поковок и методы предупреждения брака в кузнечных цехах». В основу своего труда автор положил передовой опыт заводского коллектива.

Знатная стахановка завода Т. Дьячкова написала книгу «По нормам 1950 года»; лауреат Сталинской премии бригадир А. Сметанин — брошюру о своих методах работы на станках-автоматах; формовщица, ныне мастер литейной № 2 К. Хлебникова—брошюру о методах работы на формовке автомобильных деталей.

Кроме отдельных изданий, силами инженеров регулярно выпускается печатный «Сборник по обмену техническим опытом». На-днях вышел очередной четвертый номер этого сборника.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Москва.** Более 900 тысяч человек посетило за нынешний год залы Государственной Третьяковской галлереи. Большим успехом пользуются лекции о творчестве великих художников, организуемые в залах галлереи; на лекциях присутствовало 50 тысяч слушателей.

◆ **Кишинев.** Памятник В. И. Ленину установлен в центре села Суслены. Памятники В. И. Ленину открыты также в Комратах, Карпиненах, Каушанах, Резине и других селах Молдавии.

◆ **Пятихатка** (Днепропетровская обл.). «Мичуринская декада» проведена по инициативе научных работников Эрастовского опытного поля. В колхозах, совхозах, машинно-тракторных станциях прочитаны лекции и доклады о выдающихся преобразователях природы—В. Докучаеве, В. Вильямсе, И. Мичурине, Т. Лысенко.

◆ **Сыктывкар.** Закончился республиканский конкурс на лучшие современные художественные произведения. В конкурсе приняли участие 33 писателя Коми АССР. Первую премию за пьесу «В предгорьях Тимана» получил Г. Федоров. Вторые премии присуждены С. Тимущеву за повесть «На прочную основу» и за очерк «Яблоневый сад», С. Попову за стихотворение «В Техас, ветерану войны», Д. Конюхову за стихи «Песня звеньевой», «Он наша правая рука», «Незабываемое».

◆ **Калинин.** Литературная общественность Калининской области отмечает сегодня 100 лет со дня рождения поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина, вышедшего из среды крепостных крестьян. На родине поэта—в поселке Завидово — восстановлен мемориально-литературный музей С. Д. Дрожжина.

Латышская советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Доклад ответственного секретаря ССП Латвии И. Муйжниека

Руководящие указания нашей партии и доклад товарища А. А. Жданова помогли латышским писателям понять свои ошибки и ликвидировать многие из них.

Союз советских писателей Латвии серьезно занялся повышением идейно-политического уровня литераторов. Большинство из них упорно взялось за изучение теории марксизма-ленинизма и освоение метода социалистического реализма.

Писатели Латвии решительно повернулись к актуальным темам советской жизни и создали ряд интересных произведений.

Самое крупное из них—роман В. Лациса «Буря». Эпопея В. Лациса дает широкую картину жизни латышского народа. Повествование начинается с 1939 года: писатель разоблачает фашистский ульманисовский режим, затем описывает первый год советской власти, мрачные годы немецкой оккупации, рассказывает о героической борьбе на фронтах Великой Отечественной войны и, наконец, о послевоенном строительстве и организации колхозов.

В своем романе писатель сумел нарисовать живые, полнокровные образы наших современников, таких, как Карл Жубур, Силениек и другие.

Значительное явление в нашей литературе и книга А. Саксе «В гору», в которой рассказывается о том, как крестьянская беднота и середняки под руководством партии большевиков борются против кулаков и буржуазных националистов.

Ведущую роль в драматургии занимает творчество А. Григулиса. В послевоенные годы он дал три значительных пьесы и в настоящее время работает над четвертой. А. Григулис в своем творчестве выдвигает основные проблемы нашей современности. Если в двух первых пьесах драматург направил острие удара против наших врагов — буржуазных националистов и кулаков («Как в Гарпетерах делали историю» и «В какую гавань?»), то в центре последней его пьесы «Глина и фарфор» — положительные образы советских людей.

Много поработала в области драматургии А. Броделе. Она написала пьесу «Весна в Упесциемсе», в которой показаны первые успехи колхозного строительства в латвийской деревне, и «Учитель Страуме» — о перевоспитании сельской интеллигенции. Надо отметить также пьесу Э. Залите «Вновь обретенная родина», комедию А. Упита «Лампочка в мешке», направленную против мещанских и мелкобуржуазных элементов. А. Упит инсценировал и свой роман «Зеленая земля».

Довольно большую активность развила латышская советская поэзия. У нас вышло много стихотворных сборников. Руководящее место в поэзии занимает Я. Судрабкалн. Его сборник «В братской семье» удостоен Сталинской премии.

Следует отметить творчество В. Лукса, который в последние годы перешел к большим формам, написал две поэмы для юношества.

Свежестью дышит поэзия А. Балода, Я. Грота. Мысль этих поэтов стала более четкой и политически острой. Значительный шаг вперед в своем творчестве сделали Я. Плаудис, поэтесса М. Кемпе, В. Гревинь. Весьма своеобразен и интересен талант поэта П. Силса.

Из молодых поэтов надо отметить Ц. Динере, М. Кром и других.

К сожалению, в жанре рассказа латышские писатели не могут похвалиться столь же значительными успехами, как в других областях литературы. Некоторые новеллисты, правда, переключились на темы послевоенного строительства, — молодой прозаик В. Берце написал довольно большой рассказ «Первые одиннадцать» о жизни молодого колхоза, И. Леман — ряд мелких рассказов, посвященных теме послевоенного строительства, — но все же большинство сборников, вышедших после исторических постановлений партии, содержат произведения, написанные значительно раньше.

Лишь в стадии становления находится детская и юношеская литература. Если для юношества написаны рассказы А. Саксе, И. Лемана, Ю. Ванага, поэмы В. Лукса и Ц. Динере, то в области детской литературы латышские советские писатели создали пока очень мало.

Для молодой латышской советской литературы одной из основных и самых важных тем является тема идейного роста нашего человека.

В «Буре» В. Лациса показано не только, как крепнет большевистское сознание одного из главных героев романа — Жубура, который уже во время фашистского режима становится коммунистом, но даны и образы представителей мелкобуржуазной интеллигенции и процесс их становления сознательными людьми советского общества.

Пьеса А. Григулиса «Глина и фарфор» показывает нам людей, которые, глубже знакомясь с основами советской жизни, преображаются внутренне. Восьмидесятилетний мастер-глазуровщик Атвасар преодолевает воспитанный годами индивидуализм и передает свой производственный секрет на общее благо. Подобные же мотивы, только в других вариантах, встречаются и в пьесах А. Броделе и Ю. Ванага.

Во всех крупнейших произведениях латышской советской литературы писатели, отображая идейный рост человека Советской Латвии, связывают этот процесс с развитием новых черт в его образе. Советский патриотизм, верность партии Ленина—Сталина, чувство братской дружбы с другими советскими народами — вот те движущие жизненные силы, которые характеризуют новый облик латышского рабочего, крестьянина, интеллигента.

В годы Великой Отечественной войны совершался непрерывный рост сознания наших людей, нашедший отражение в литературе. Суровостью боев веет от рассказов Я. Гранта, А. Григулиса, И. Лемана. В этих рассказах показан героизм наших бойцов, даны живые образы патриотов советской Родины. Характерно, что в произведениях В. Лациса, А. Григулиса, А. Саксе, А. Броделе, Ю. Ванага, отображающих послевоенное строительство, главные персонажи, в большинстве случаев участники Отечественной войны и являются активными участниками восстановления народного хозяйства.

Тема дружбы народов, наряду с темами советского патриотизма и строительства, входит составной частью почти в каждое произведение латышской советской литературы. Мотивы дружбы народов сильнее всего даны в поэзии Я. Судрабкална. Но и в произведениях других поэтов и прозаиков эта тема также получила яркое отображение.

Латышские писатели стремятся показать борьбу нового с отживающим старым. Изображая жизнь села в момент, когда в республике были основаны только два первых колхоза, писатели рисовали дальнейшие перспективы развития колхозного движения. В романе В. Лациса «Буря» мы видим советских патриотов, коммунистов и трудовых крестьян, которых партия пробудила к сознательной жизни. Главный персонаж романа Анны Саксе приходит в колхоз. Партийцы, комсомольцы своей воспитательной работой помогают идейному росту советских людей. В сознании трудовых крестьян происходит перелом, развиваются новые, социалистические качества.

За старое, отжившее, крепче всего цепляются наши враги — буржуазные националисты. Литература ведет решительную борьбу с ними. Беспощадно изобличает закулисную политику ульманисовской национал-фашистской клики и ее лакеев В. Лацис в романе «Буря». Враждебные народу элементы изобличены и в романе А. Саксе «В гору», в пьесе А. Григулиса «Как в Гарпетерах делали историю». Оба писателя сумели разоблачить реакционную стяжательскую идеологию кулачества.

Круг тем латышских писателей значительно расширился. Они приблизились к современности, почувствовали пульс жизни. Однако в творчестве наших писателей еще много недостатков. И мы не вправе не замечать их, ибо такое самодовольство серьезно угрожало бы дальнейшему расцвету нашей литературы.

В первую очередь следует отметить схематичность многих произведений, поверхностное изображение характеров, неумение показать то новое, что появилось в нашей жизни. Даже в таком талантливом произведении, как роман «Буря», автор порой чрезмерно увлекается описанием событий, забывая о человеке.

Бледные, примитивные образы встречаются в романе А. Саксе «В гору». Не лишена схематичности пьеса А. Броделе «Весна в Упесциемсе».

Латышские писатели недостаточно отражают роль партии в нашей жизни. Так, в известной пьесе А. Григулиса «Глина и фарфор» парторг Гауймалиет является одним из второстепенных персонажей. По уровню своего развития и глубине переживаний он стоит ниже инженера Скульте и директора фабрики Бенедикты Крус. В пьесе Ю. Ванага «Встреча на берегу» парторг — резонер, который не умеет по-настоящему любить, ненавидеть, побеждать.

Схематичность, ходульность образов сильно ощущаются в коротких рассказах В. Саулескалнса «В борозде новой жизни». Автор изображает каких-то выдуманных людей. Герой рассказа «Садовник» не человек, а схема, в нем нет ни капли горячей крови. Советского трудового крестьянина Саулескалнс рисует упрощенным, наивным.

Неумение владеть методом социалистического реализма и непонимание этого метода привели молодого прозаика В. Берце к тому, что в небольшом рассказе «Андрс», вместо того, чтобы показать героическую молодежь, во время фашистской оккупации боровшуюся с врагом, он сделал героем человека деклассированного, обладающего наклонностями преступника. Этот рассказ является грубым искажением действительности.

Еще более крупные недочеты наблюдаются в произведении В. Ардаматского «Он об этом напишет». В этой книге автор, не зная жизни латышского народа в условиях буржуазного строя, исказил правду, написал не литературное произведение, а скверную карикатуру.

В латышской литературе еще можно встретить произведения, идеализирующие врага, неправильно изображающие прошлое своего народа. Так, Р. Селис в романе «Поместье Сплайне» идеализирует жизнь и работу батраков барона на мызе, не только не показывает подлинного зверского облика немецких колонизаторов, но изображает их добродушными, смешными чудаками. Этот порочный роман вышел отдельной книгой уже после исторических постановлений ЦК ВКП(б). Серьезные ошибки имеются и в пьесе Ф. Рокпелниса «Юность Райниса». В этой пьесе Райнис — поэт революционного пролетариата — изображен, как певец бедняцкой крестьянской доли.

Прошло больше двух лет, как мы усиленно боремся с формализмом и эстетством. И все же еще нельзя сказать, что эти грехи полностью изжиты. У нас все еще появляются стихи, отмеченные пустой красивостью и формализмом. Так, в творчестве А. Чака, наряду с художественно полноценными произведениями, мы находим стихи, где поэт занят только погоней за излюбленной метафорой. В еще большей мере этот упрек относится к поэзии Я. Плаудиса, Я. Грота, которые также нередко увлекаются чисто формальной стороной творчества.

Наши писатели еще недостаточно знают жизнь. Говоря о технологических процессах труда, латышские поэты зачастую забывают показать внутреннее содержание того или иного явления, не отображают чувства и мысли советского человека, его мечтания, его стремления. Незнание жизни часто приводит также к слащавой благостности, с которой наша критика не ведет необходимой борьбы. Сентиментальному примитивному стихотворению А. Круклиса недавно на конкурсе песни была даже присуждена первая премия.

Одной из самых важных задач латышских писателей является овладение мастерством.

В латышской советской литературе встречаются произведения, интересные по содержанию, но по форме настолько слабые, что их нельзя печатать. Это характерно даже для таких признанных авторов, как Я. Ниедре. Часто писатели стараются выразить новое содержание при помощи устаревших приемов.

Серьезным недостатком латышской советской литературы является то, что много важных тем остались еще не затронутыми или освещены недостаточно. У нас до сих пор нет большого произведения о социалистической промышленности. Стахановцы, новаторы производства показаны весьма поверхностно. А эта тема должна стать главной в нашей литературе. Народ ждет, чтобы, кроме известной поэмы В. Лукса «Рита начинает жить», появились произведения и других авторов о социалистическом строительстве.

Я уже говорил об успехах наших писателей в колхозной теме, однако, если сравнить отображенное в литературе с тем, что делается в жизни, то следует сказать, что и здесь мы порядочно отстали.

В латышской советской литературе еще мало и произведений, отображающих героическую борьбу латышского народа во время Отечественной войны.

Недостатков у нас, как видите, немало. Латышские писатели во многом еще не выполнили требований партии. У нас нет серьезной боевой литературной критики, без которой невозможен расцвет литературы.

В своих статьях критики чаще всего ограничиваются пересказом произведений и поверхностным анализом. Они еще не полностью овладели основами марксизма-ленинизма, слабо изучают труды Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Нередко нашим критикам свойственно некритическое отношение к тем или иным произведениям. Например, Э. Дамбур, теряя всякое чувство меры, сравнивает аполитичную поэзию Я. Плаудиса с Пушкиным, Райнисом, Судрабкалном. Оценивая поэзию Плаудиса, Грота и Чака, он не дает правильного анализа их прошлого творчества. В рецензии А. Васара книга стихов А. Чака односторонне восхваляется; критик не показывает, как А. Чак из мелкобуржуазного поэта становится поэтом советским. Безусловно, подобная критика не помогает дальнейшему росту писателей.

Среди латышских литературоведов еще живут реакционные тенденции и низкопоклонство перед гнилой культурой Запада. До сих пор нам приходится выслушивать нелепые утверждения доц. Берзкалн, что латышская песня «дайна», зародилась в Скандинавии, что «для современного общества характерно разделение труда — одни делают простую работу, другие занимаются политикой. Что касается меня, то я работаю в области фольклора и политикой не занимаюсь»... И дальше: «Наблюдать классовую борьбу в жизни можно не всегда. Так, например, в Видземэ, где я родилась и выросла, господа и слуги всегда ели за одним столом, и никакой классовой борьбы не было».

Другой литературовед Страуберг развивал теорию, что культура, и в том числе литература, заимствуется у наиболее развитых народов. Подобные «ученые» проповедуют теорию миграции сюжетов и другие тому подобные теории. Между прочим, Берзкалн утверждала также, что письмо Татьяны из поэмы «Евгений Онегин» Пушкина заимствовано из «Фауста» Гете.

Таким образом, у нас еще не изжито низкопоклонство перед реакционным Западом, пренебрежительное отношение к фольклору своего народа и к русской культуре. «Деятели» типа Берзкалн, Страуберг и такие литературоведы, как П. Биркерт, Янсон, были подвергнуты суровой критике в нашей печати. И хотя острие порочных теорий было сломано, основа их осталась нетронутой. Это сказалось в ряде реакционных высказываний в области лингвистики.

Часть наших латышских лингвистов, правда, еще несмело, следует теории акад. Марра, другие же до сих пор идут на поводу различных реакционных теорий.

Литературоведы мало сделали для того, чтобы критически оценить наследие латышской литературы. Единственные серьезные работы по истории латышской литературы А. Упита и Я. Ниедре уже долгое время лежат в рукописи в издательстве, а в школах и вузах Латвии до сих пор имеют хождение старые, реакционные литературные теории.

Критика — один из самых уязвимых участков нашего литературного фронта. Чтобы выправить положение в этой области и радикально улучшить работу критиков, следует провести целый ряд организационных мер, в том числе создать при Союзе советских писателей Латвии комиссию по критике и литературоведению, которая помогла бы ставить и обсуждать важнейшие проблемы теории литературы, координировала бы деятельность критиков с научными учреждениями, редакциями и издательством.

Я здесь старался отметить те главные недостатки, которые должны быть устранены в первую очередь, я пытался осветить те слабые стороны в латышской советской литературе, наличие которых свидетельствует о том, что мы еще слишком медлительно выполняем решения партии.

Нет сомнения, что латышские советские писатели, еще теснее слившись со своим народом, анализируя с большевистской принципиальностью свою работу, смогут выполнить исторические решения ЦК ВКП(б). Руководствуясь указаниями партии, латышские писатели создадут произведения, которые помогут нашему народу в его движении вперед, к коммунизму.

Казахская советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Доклад председателя президиума ССП Казахстана С. Муканова

Казахский народ до Великой Октябрьской социалистической революции не имел развитой письменной литературы. Единственным жанром казахской литературы была поэзия. Но и поэзия до Абая — создателя письменной казахской литературы — была представлена, главным образом, фольклором.

Октябрьская социалистическая революция вывела казахский народ на широкую дорогу социализма.

В стране, где абсолютное большинство коренного казахского населения занималось только скотоводством, теперь, в советское время, организовались колхозы, оснащенные передовой техникой, развились все отрасли передового социалистического сельского хозяйства.

В стране, где до Октябрьской революции не было тяжелой промышленности, теперь, в советское время, возникли такие центры, как Караганда, Балхаш, Темир-Тау, Лениногорск, Джезказган и другие.

У нас есть теперь своя Академия наук, которая об'единяет около 20 докторов и 90 кандидатов наук — казахов. Казахстан теперь имеет 24 высших учебных заведения, 21 национальный театр, три издательства, 130 газет, 6 журналов.

Современная казахская литература, как и вся культура казахского народа, — детище Великого Октября. Грандиозные успехи социалистического преобразования нашей республики, достигнутые под руководством партии Ленина — Сталина, определили и успехи казахской литературы. Только в советское время она получила полное развитие во всех жанрах и стала органической частью многонациональной литературы Советского Союза.

Благодаря советской власти наша литература превратилась в действительно высокоидейную национальную литературу и заняла почетное место в передовых рядах братских литератур Советского Союза. Подобно литературам других братских республик, казахская советская литература является литературой социалистической по содержанию и национальной по форме. Подобно литературам других братских республик, казахская советская литература ставит перед собой одну главную задачу— быть верной помощницей партии Ленина—Сталина в воспитании советских людей в духе коммунизма.

Под благотворным влиянием классической и современной русской литературы казахские писатели создали ряд выдающихся произведений: поэмы «Поток» Т. Жарокова, «На улицах Берлина» А. Токмагомбетова, «Оркестр» и «Абыл» А. Тажибаева, «Искандер» К. Абдукадырова, «Родные сердца» Ж. Сыздыкова, «Кулянда» и «Письмо другу» Ж. Саина, «Двадцать восемь гвардейцев» Х. Бекхожина, «Поэма жизни» К. Аманжолова и др.; романы «Абай» М. Ауэзова и «Миллионер» Г. Мустафина; повести «Кос Шолкар» и «Казахский батыр» Г. Мусрепова, «Армансыздар» и «Сержан» А. Абишева, «Донаскандер» и «Арман агисы» Г. Сланова и др.

В казахской драматургии появились такие пьесы, как «Енлик кебек», «Ночные раскаты» М. Ауэзова, пьеса «Абай», написанная им же в соавторстве с Л. Соболевым, и «Козы Карпеш и Баян Слу», «Ахан сере и Актокты» Г. Мусрепова, «Дружба и любовь» и «Одна семья» А. Абишева, «Амангельды» Ш. Хусаинова, которые много лет не сходят со сцен наших театров.

Казахская литература обогащается переводами на казахский язык выдающихся произведений русской и мировой классики, а также лучших произведений современных русских писателей и писателей братских республик. В то же время лучшие произведения казахской литературы переводятся на русский язык и становятся достоянием всего многонационального советского народа.

Исторические решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства вскрыли ошибки и недостатки всей советской литературы, в том числе и казахской, и начертали конкретную программу для их устранения.

Ряд ведущих писателей (М. Ауэзов, Г. Мусрепов и другие) тратили свои творческие силы не на изображение нашей героической современности, а на описание жизни дореволюционного казахского аула. Они не показывали классовой борьбы в дореволюционном Казахстане и часто подменяли ее борьбой родовых верхушек.

Некоторые писатели, например, А. Тажибаев, попали под влияние европейских буржуазных символистов и создавали книги, чуждые методу социалистического реализма.

Некоторые произведения о современности страдали схематизмом, натурализмом (книги С. Муканова, М. Ауэзова, А. Абишева, Г. Сланова и других). В изображении Отечественной войны некоторые наши писатели (Н. Баймуратов, К. Сатыбалдин, С. Бегалин и другие) пошли по ложному пути. Они показывали героизм на фронте так, как описывались подвиги в старых эпических произведениях давно минувших дней.

Серьезные ошибки были допущены критиками и литературоведами. Ряд литературоведов (Е. Исмаилов, Б. Кенжебаев, Х. Джумалиев и другие) пытались представить всю дореволюционную казахскую литературу, как общенародную, стоящую вне классовой борьбы. Они не сумели правильно оценить наши современные произведения.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, решение ЦК КП(б) Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» помогли писателям и общественности Казахстана устранить эти недостатки.

После постановлений Центрального Комитета партии казахские писатели создали ряд выдающихся произведений.

Первая книга романа М. Ауэзова «Абай» на казахском языке была опубликована в 1942 году. Читатели, тепло встретив эту книгу, в то же время сделали ряд существенных критических замечаний в отношении идейного содержания романа. В первой книге романа не было показано влияние русской культуры на казахскую, слабо изображены классовые противоречия в казахском ауле в эпоху Абая.

Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли Ауэзову преодолеть недостатки первой книги. И это положительно сказалось на второй книге романа.

Теперь, когда «Абай» опубликован в целом и читатели познакомились с ним, мы можем сказать, что это произведение талантливо и всесторонне раскрывает страницы истории казахского народа в XIX веке, показывает борца за светлое будущее — Абая. Книга рисует дружбу русского и казахского народов.

Роман написан зрелым художником слова. Язык произведения поэтичен, выразителен и красочен. Острое развитие сюжета держит читателя в напряжении. Роман М. Ауэзова — большая победа казахской советской прозы.

Большинство писателей обратилось к созданию произведений на современные темы.

Первым их ответом явился сборник очерков, рассказов и стихотворений «Восхождение», посвященный послевоенной сталинской пятилетке. В сборнике приняло участие свыше двадцати авторов. Несмотря на недостатки ряда произведений в художественном отношении, в целом сборник свидетельствует о том, что писатели поняли стоящие перед ними задачи.

Перестроил свою работу наш журнал «Эдебиет жана искусство». На его страницах печатаются стихи, очерки, рассказы, поэмы о Великой Отечественной войне и послевоенной сталинской пятилетке.

Я хочу особо выделить роман Г. Мустафина «Миллионер». Я считаю, что это — одно из произведений, являющихся достижением не только казахской, но и всей советской литературы. Роман свидетельствует о серьезном и глубоком творческом освоении автором метода социалистического реализма.

Произведение посвящено жизни казахского колхоза. Оно радует стройностью построения, психологически убедительным раскрытием характеров, своей жизненной романтикой, поэтичностью изображаемых картин, выразительным и точным языком.

Однако есть в романе и недостатки. Так, например, не удался автору образ секретаря райкома партии Сагимбаева, в нем не видишь руководителя, способного разрешить политические, хозяйственные и культурные вопросы.

Одним из достижений казахской прозы 1948 года следует признать небольшую повесть К. Абдукадырова «Комсомольское звено», посвященную трудовой доблести казахской девушки Рыскуль Махатовой, удостоенной высокого звания Героя Социалистического Труда.

Отрадно, что в нашей литературе за последние годы увеличилось количество прозаиков. Молодые прозаики М. Имажанов, Т. Сагимбаев, М. Тиесов, И. Есемберлин и другие публикуют свои рассказы на страницах журналов, издают сборники.

Решения ЦК ВКП(б) помогли вскрыть серьезные ошибки в нашей поэзии, безидейность и аполитичность в произведениях отдельных поэтов. Мы направили творческие силы поэтов на путь утверждения, воспевания величия и красоты нашей социалистической действительности.

Видный казахский поэт Т. Жароков за последние годы создал ряд замечательных произведений на актуальные темы современности. Лучшие его стихи были переведены на русский язык и в 1947 году вышли отдельным изданием в Москве. Одним из последних его произведений является поэма «Хлеб», где он изображает тружеников колхозных полей в послевоенный период. Такая отзывчивость поэта на волнующие темы времени — большое достоинство. Однако необходимо отметить, что некоторые произведения Жарокова, в частности, и поэма «Хлеб», местами страдают схематичностью в изображении характеров и отдельных событий.

Один из талантливых поэтов К. Аманжолов написал «Поэму жизни», воспевающую роль великого вождя товарища Сталина в грандиозных социалистических преобразованиях нашей страны. Произведение написано под благотворным влиянием поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Однако «Поэма жизни» не свободна от схематизма, что снижает ее художественную ценность.

Отдельные поэты в своем творчестве продолжают работать над созданием бессмертных образов героев Великой Отечественной войны. В этой связи следует отметить лирические стихи поэта Ж. Саина. Поэт, будучи участником героического партизанского движения на Украине, создал множество превосходных стихов на эту тему.

Другой участник Отечественной войны поэт А. Сарсенбаев после войны издал два сборника стихов. Свидетель героических дел, он в коротких, но выразительных стихотворениях создает многокрасочные картины боев, показывает героические подвиги советских воинов, их высокий патриотизм и гуманизм.

Над созданием поэтических произведений, рисующих нашу современность, наиболее плодотворно работает поэт Х. Бекхожин. В своем сборнике «Весна» он выступает как политический лирик, воспевает созидательный труд героев послевоенной сталинской пятилетки. Последние стихи Бекхожина «Годы», «Джигит», «Памяти товарища Жданова» показывают идейно-художественный рост поэта. Жизнеутверждающая сила поэзии Бекхожина особенно ярко сказалась в его стихотворении «Годы». В нем поэт воспевает чудотворный труд людей сталинской эпохи, опережающих время и каждой минутой своего труда утверждающих новые победы, приближающие нас к коммунизму.

Замечательный мастер лирических стихов Г. Орманов в своих последних произведениях «Голодная степь», «Медный город», «Урожайный поток» и др. рисует социалистическое преобразование казахской степи, ее героическое настоящее и прекрасное будущее.

С удовлетворением можем отметить, что за последние годы казахская советская поэзия тематически обогатилась, ее горизонты стали шире. Если раньше произведения поэтов больше всего посвящались местным темам, то сейчас казахские поэты обратились к таким актуальным темам нашего времени, как гордость советского человека, разоблачение поджигателей войны, дружба народов и интернационализм и т. д.

Однако, необходимо признать, что в казахской поэзии еще есть существенные недостатки. Главные из них — схематизм, отвлеченность, все еще встречающиеся в творчестве отдельных поэтов. Наши поэты не всегда достигают глубоких поэтических обобщений, недостаточно плодотворно работают над повышением своего поэтического мастерства, общей культуры, не делают смелых шагов в сторону поэтического новаторства.

Наши драматурги за последнее время написали немало пьес. Но только одна из них—«Любовь и дружба» А. Абишева хорошо принята зрителями. В пьесе показаны героические дела карагандинских шахтеров в годы Отечественной войны, их высокий моральный уровень. Драматический конфликт пьесы разработан напряженно и убедительно.

Однако состояние драматургии в целом у нас далеко не удовлетворительное. Наша драматургия все еще в долгу перед советским зрителем.

Такие крупные драматурги, как М. Ауэзов, Г. Мусрепов, которые создавали хорошие драмы на исторические темы, еще не создали ни одной значительной пьесы о современности. Все, что ими было написано о нашей действительности, быстро сошло со сцены театров вследствие низкого идейно-художественного уровня. Драматург А. Тажибаев, ошибки которого были отмечены в решении ЦК ВКП(б), упорно молчит до сих пор.

Особенно плохо обстоит у нас дело с созданием киносценариев. Несмотря на то, что в Казахстане имеются свое Министерство кинематографии и киностудия, проблема создания сценариев на современные темы остается далеко не решенной. Недостаточно сил и внимания уделяют писатели этому виду нашего самого массового и действенного искусства. Не организована помощь опытных русских сценаристов и режиссеров казахским сценаристам.

Очень слаба у нас детская литература. Мы в долгу перед детьми. Писатели должны принимать активное участие в создании детских книг, помогающих партии и правительству воспитывать молодое поколение в коммунистическом духе. Мы должны обогатить нашу детскую литературу переводами лучших произведений русских писателей.

Несколько слов о критике. Это у нас самый отсталый участок. Вместо критических статей у нас печатают поверхностные рецензии. Говоря прямо, в казахской литературе еще нет критиков-профессионалов. Зачастую критикой занимаются сами писатели. Отсутствие грамотной, большевистски-принципиальной критики мешает развитию нашей литературы.

Русские писатели в нашей республике живут одними интересами, общей творческой жизнью с казахскими писателями, оказывая друг другу братскую помощь. Сейчас в нашем Союзе писателей 24 русских прозаика и поэта.

В первую очередь я хочу остановиться на творчестве писателя И. Шухова. После серьезной и деловой критики он стал более внимательно присматриваться к жизни. И. Шухов опубликовал серию хороших очерков.

Книгу об артиллеристах-панфиловцах написал Д. Снегин. Это художественная повесть, построенная на материалах героической жизни Панфиловской дивизии.

За последнее время появились в рядах русских писателей и молодые талантливые поэты: Р. Трофимов, Д. Рябуха, Л. Кривощеков и другие.

Особо я хочу обратить внимание на творчество М. Зверева—зоолога и следопыта, создающего интересные произведения для детей.

Казахские писатели сознают, что они сделали недостаточно, что они все еще в долгу перед партией, перед советским народом.

Центральный комитет КП(б) Казахстана, повседневно оказывающий помощь нашей литературе, в августе этого года провел с писателями республики большое совещание, на котором был дан анализ состояния нашей литературы после исторических постановлений ЦК ВКП(б). На этом совещании руководители казахской партийной организации помогли нам, писателям, разобраться в причинах отставания нашей литературы.

Многие наши писатели недостаточно связаны с действительностью, отстают от жизни. Жизнь требует, чтобы наши литераторы постоянно общались с народом и всесторонне знали советскую действительность, исполненную трудового под'ема и дерзаний. Часть наших писателей еще не овладела методом социалистического реализма и в этом — причина многих недостатков их творчества. Мешают нашей работе также серьезные неполадки в работе самого правления Союза писателей.

Развитию современной казахской прозы должен помочь недавно об'явленный правительством Казахстана конкурс на лучшие романы и повести. Последний срок конкурса — май 1950 года. В этом году знаменательная дата — тридцатилетие Казахской республики.

Условия конкурса будут об'явлены в печати. Всех присутствующих здесь я прошу принять в нем участие, пожалуйста, берите наши премии, давайте будем соревноваться.

Под руководством нашей славной коммунистической партии, при взаимной помощи писателей русских и писателей наших братских республик, казахские писатели создадут такие произведения, которыми смогут гордиться все народы нашей Родины.

К БОЛЬШИМ ТЕМАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Содоклад члена президиума ССП СССР А. Суркова

Советской литературе Латвии всего лишь восемь лет. Но за эти восемь лет латышская литература прошла очень серьезную политическую школу.

Многие латышские писатели в годы Отечественной войны сражались на фронте в рядах гвардейской латышской дивизии. Лучшие из тех, кому пришлось остаться на оккупированной немцами территории, сохранили незапятнанной свою гражданскую и литературную совесть и сейчас вместе с основным ядром писателей составляют актив литературы Советской Латвии.

Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» помогло латышской литературе избавиться от многих недостатков, которые тянули ее назад. В прозе, в драматургии и в поэзии произошли серьезные сдвиги. Правда, они еще носят больше количественный, нежели качественный характер. Многим произведениям, посвященным современности, свойственны существенные недостатки. Их скорее можно назвать заявками на новую тему, за которой должна последовать настоящая глубокая работа.

Я остановлюсь лишь на некоторых, самых больших и самых значительных, произведениях, появившихся в латышской литературе после войны, с тем чтобы отметить и то сильное, что несут эти произведения, и то слабое, что в них еще есть, ибо недостатки этих книг характерны и для ряда произведений других писателей.

Роман Андрея Упита «Зеленая земля», удостоенный в 1946 году Сталинской премии, с наибольшей силой выражает творческие возможности сегодняшней латышской литературы. А. Упит нарисовал латышскую деревню конца девятнадцатого столетия. Это большое эпическое произведение по праву может быть названо настоящей художественной энциклопедией жизни латышского крестьянства в ту пору.

Два других значительных произведения послевоенных лет — роман В. Лациса «Буря» и роман Анны Саксе «В гору». Должен кстати сказать, что прорваться к подлинному звучанию этих произведений через их русский перевод довольно трудно. Тем не менее, и по переводам можно судить о больших достоинствах и существенных недостатках этих книг.

Романы «Буря» и «В гору» — значительные явления в современной латышской литературе. Произведение В. Лациса — большое эпическое повествование, охватывающее почти десять лет жизни латышского народа. В этом романе перед читателем проходят чуть ли не сотни действующих лиц, развертывается множество событий, каждое из которых исторически важно и существенно. Но эта многособытийность, многоплановость и многогеройность романа приводят к тому, что композиция произведения рыхла, а обрисовка героев иногда схематична. События часто заслоняют людей, оттесняют их на второй план. Этот недостаток автор старается возместить большими публицистическими отступлениями, которые, в известной мере, снижают и художественную убедительность и стилевое единство романа.

То же самое, правда в меньшей мере, можно сказать и о романе А. Саксе «В гору». Это большое и смелое произведение, реалистически рисующее жизнь латышской деревни в дни войны и в послевоенные годы.

В романе в живом развитии даются характеры представителей разных социальных слоев латышской деревни. В нем верно и любовно обрисованы образы новых людей — коммунистов и комсомольцев. Но чем ближе к современности, к вопросам, которые разрешает народ сегодня, подходит повествование, тем больше слабеют жизненные характеристики, психологические мотивировки поведения героев часто подменяются рассуждениями в газетно-статейной форме.

Подобных недостатков не лишена и одна из самых интересных пьес, появившихся за последнее время, — «Глина и фарфор» А. Григулиса. Тема этой пьесы как будто бы не нова: конфликт личного и общественного. Но эта старая тема разрешается на чрезвычайно актуальном, конкретном, глубоко советском материале жизни сегодняшней Латвии.

В пьесе нарисованы представители самых разнообразных слоев латышского народа — директор завода, инженеры, рабочие-фарфорщики, мастера и художники, крестьяне и солдаты Советской Армии. События развиваются очень напряженно.

Но в процессе развития действия и характеров правильно подмеченные типы и характеры людей даны в очень условной обстановке, а конфликты, которые возникают в пьесе, разрешаются облегченно, почти «по щучьему веленью».

Я бегло остановился на самых значительных произведениях сегодняшней советской литературы Латвии, произведениях, которые прокладывают путь для всей литературы к большим темам современности. И я остановил внимание на недостатках этих произведений лишь потому, что эти частные недостатки старших писателей гораздо более сильно выражены во многих произведениях на современные темы, написанных многими другими прозаиками, поэтами и драматургами Латвии. При активном повороте к современной теме в латышской поэзии еще много бездумной восторженности, ничего не говорящего красивописания. Поэты зачастую отстраняются от реальной жизни с ее сложными и глубокими противоречиями и весьма облегченно изображают сегодняшнюю действительность. Подобные явления наблюдаются не только у молодежи, но и у таких талантливых и интересных писателей, как, например, Александр Чак.

Об этом в той или иной мере пишут латышские критики на страницах журнала «Карогс», в латышской газете «Литература и искусство» и в общей периодической печати, но явно недостаточно. Критика в Латвии еще находится на таком уровне, что большой разговор о судьбе латышской литературы надо начинать с обсуждения состояния критики и литературоведения. Значительная часть печатающихся рецензий носит эмпирический характер, не поднимает больших вопросов литературы. Появляющиеся изредка статьи о социалистическом реализме, к сожалению, полны одних заклинаний и общих фраз. Сегодняшняя литература, с ее большими достоинствами и характерными недостатками, еще не привлекается латышской критикой для обсуждения важнейших вопросов стиля и метода нашей советской литературы.

Латышской литературной критике нужно включиться в большую жизнь нашей многонациональной советской литературы, учитывать в своей работе и тот большой политический и творческий опыт, которыми другие наши литературы, и в первую очередь русская, располагают.

Вторая беда критики в том, что она еще слабо борется с идеализмом, буржуазным либерализмом, низкопоклонством перед Западом, до сих пор процветающими в среде некоторых слоев профессуры высших учебных заведений Латвии.

Правда, за последние годы появился ряд статей А. Упита, А. Григулиса, Я. Ниедре и других латышских писателей и литературоведов, которые уже начали эту остро необходимую атаку. Но пока еще нет достаточной страсти, темперамента в этой борьбе. До сих пор еще, к сожалению, учебники литературы, по которым учится латышская молодежь и в средних школах и в институтах, часто не воспитывают, а калечат молодое поколение.

Надо, усиливая борьбу против всякого рода буржуазных теорий в вопросах истории литературы, активно взяться за постановку позитивных вопросов переоценки литературного наследства. Пора создать настоящий курс истории латышской литературы. А. Упит и Я. Ниедре сделали первый шаг в этом направлении, и надо помочь им довести эту работу до конца.

В среде латышских писателей еще недостает деловой принципиальной критики и самокритики, нет творческих дискуссий. Товарищи стесняются критиковать друг друга, говорить в полный голос о недостатках тех или иных произведений, а без этого необходимого условия литература не может двигаться вперед. Развитие большевистской критики и самокритики, создание активной творческой среды, по-моему, одна из насущных задач латышской писательской организации. Я три года общаюсь с латышской литературой, и я не знаю ни одной серьезной творческой дискуссии, которая бы привлекла большой круг писателей, а большинство латышских писателей — люди высококультурные, талантливые и житейски многоопытные, и у каждого есть, что сказать. Журнал «Карогс», латышская газета «Литература и искусство» должны были стать центром литературных дискуссий, споров, обсуждений. К сожалению, это не так. Редакционные коллегии в этих изданиях являются еще фикцией, не представляют собой творческого коллектива, организующего всю работу. Об этом надо очень серьезно подумать президиуму и секретариату Союза советских писателей Латвии, в работе которых замечается медлительность и хладнокровие.

Необходимо пересмотреть отношение большинства писателей к таким жанрам, как очерк и литературная публицистика. Очерковый жанр, имеющий такое большое значение в освещении современности, находится на задворках латышской литературы. Это положение нетерпимо, и его нужно ликвидировать. Работа над очерком дает писателю возможность проникнуть с большей глубиной в явления действительности, понять их идейный смысл.

В жизни современной Латвии происходят события огромной важности. В хуторской в прошлом стране возникают сотни колхозов, идет огромный рост промышленности, происходит исторически важный процесс, ломающий столетиями сложившуюся жизнь. Писатели В. Лацис, А. Саксе, А. Григулис, поэты В. Лукс, А. Чак и другие сделали первые шаги к творческому разрешению важнейших тем современности. Задача состоит в том, чтобы эти большие темы завоевали внимание всех писателей Латвии и чтобы эти темы нашли достойное художественное выражение.

Писатели Советской Латвии представляют большой талантливый коллектив. Этот коллектив, при наличии подлинно творческой атмосферы, при укреплении литературы новыми силами, способен успешно реализовать те большие задачи, которые поставлены коммунистической партией перед всей нашей литературой.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РОСТА КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Содоклад члена секретариата ССП СССР Б. Горбатова

Однажды на пленуме в Союзе писателей мой друг Сабит Муканов мужественно и, по-моему, абсолютно правильно потребовал, чтобы наши критики перестали подходить к казахской литературе, делая «скидку на бедность». «Мы не хотим никаких скидок!» — говорил он, и это прозвучало не только гордо, но и в высшей степени справедливо.

Действительно, пора покончить с этим, еще имеющимся у некоторых наших критиков снисходительно-барским, поощрительно филантропическим, а по существу пренебрежительным и оскорбительным отношением к литературам наших братских народов. Следует понять, что за 30 лет советской власти даже некогда кочевые народы проделали гигантский путь экономического и культурного роста. Да и в каких «скидках» нуждается «Абай» М. Ауэзова, роман, которым может гордиться и восхищаться вся советская литература. Советская казахская литература, пусть литература еще молодая, но уже окрепшая, сейчас находится на большом под'еме, и ей больше всего нужна мужественная и товарищески заботливая, требовательная критика.

Поэтому я и позволю себе без скидок, по-честному, как равный с равными, с любовью, уважением и требовательностью товарища высказать здесь ряд мыслей о современном состоянии казахской литературы и ее отдельных проблемах.

В мою задачу не входит оценивать все созданное казахскими товарищами за последние два года. Это сделал, и очень удачно, докладчик С. Муканов.

Казахская литература имеет не мало достижений, в ней идет непрерывный творческий рост кадров. Она имеет все основания для того, чтобы выйти в первые ряды советской литературы.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам тем и замечательны, что они расчистили и раздвинули идейные горизонты для всех литератур Советского Союза. Они внесли необходимую ясность и точно определили нашего идейного противника. С тех пор прошло два года. Исчезла ли окончательно опасность буржуазно-националистических извращений? Об этом я и хочу поговорить.

Чем было для Казахстана и других окраин бывшей Российской империи присоединение к России? Национальной катастрофой или прогрессом? На это мы имеем ясный ответ марксистской науки.

Что было бы с Казахстаном, если бы он не был присоединен к России? Его проглотили бы Китай, Кокандское царство, его раздробили бы, растащили бы на части. В конечном счете, он стал бы легкой добычей для английских колонизаторов.

Но если это так, а это именно так, тогда следует с этих позиций рассматривать и весь народный эпос, и весь фольклор, и всех его героев, и всю литературу, выросшую на основе этого фольклора. Следует принять тех героев народного эпоса, которые боролись с феодалами и ханами и стояли за присоединение к России. И уж никак нельзя об'являть национальными героями тех ханов и батыров, которые во имя защиты старых феодальных порядков восставали против того, что было прогрессивным для Казахстана, т. е. против присоединения к России.

Между тем, еще недавно в казахском литературоведении все было свалено в кучу. Так, Едиге — типичный «рыцарь феодализма» об'являлся борцом за независимость, а Кенесары — внук хана Аблая назывался «народным ханом», хотя целью этого «народного хана» было изгнание русских из казахских степей и упрочение ханства. Совсем недавно, в прошлом году вышла книга Бекмаханова, в которой всячески возвеличивается этот Кенесары.

Следовательно, никак нельзя считать снятой с повестки дня борьбу с нашим идейным противником.

В казахской литературе, как, может быть, ни в какой другой, необычайно высока роль эпоса и фольклора в современных произведениях. Читаете ли вы роман о Сыр-Дарье, или о колхозах, или очерки о советской Караганде, вы все время встречаете легенды, сказания, ссылки на героев эпоса. Поэтому ясность в этом вопросе совершенно необходима. Надо, чтобы каждый казахский писатель по-марксистски, по-ленински, по-сталински знал историю своего народа, иначе не избежать ему ошибок. С этих позиций должны быть пересмотрены и старые писатели, особенно поэты эпохи Зарзаман — эпохи скорби, которых иные литературоведы еще недавно пытались об'явить прогрессивными.

Даже поэта Карашева — алашординца, контрреволюционера, который в начале 1918 года в стихотворении «Чего боюсь» прямо выступал против Октябрьской революции и писал: «Боюсь зари, боюсь вихря без дождя, боюсь созданного в темноте закона, боюсь всенародного торжества», — даже его об'являли писателем, который «вплотную подошел к коммунизму».

Сейчас извращения подобного рода вскрыты, точно названы своими именами, но было бы преждевременно думать, что с идейным противником покончено и делать больше нечего.

Отношение к России и к великому русскому народу имеет и вторую сторону. Когда Казахстан был уже присоединен к России и вошел в состав бывшей Российской империи, какой предстала пред казахами Россия? Единым ли целым? Нет, передовые люди казахского народа и, в первую очередь, его великие просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин увидели две России: Россию царей, колонизаторов и чиновников и Россию русского народа, демократическую Россию, Россию Белинского, Чернышевского, Ленина. Не понимать этого — значит опять же впадать в глубокую идейную ошибку. Я помню, как еще год назад в этом же зале возмущался Сабит Муканов, что у них некоторые редакторы запрещают «критиковать царизм».

Что ошибки подобного рода не исчезли и теперь, после решений ЦК ВКП(б), свидетельствует вышедший недавно в Казахстане роман Н. Анова «Ак-Мечеть», в котором петрашевец поэт-демократ Плещеев рисуется каким-то декадентом, космополитом и упадочником, а оренбургский генерал-губернатор Перовский — благородным вольнодумцем, хотя именно его Т. Шевченко называл, и по справедливости, сатрапом. В этом романе не показаны подлинные колонизаторские цели царизма, нет того, что товарищ Сталин называл «зверской политикой царизма».

Правильно изобразить отношение казахского народа к России и русскому народу для современного писателя — один из самых главных вопросов. Это вопрос о дружбе народов во главе с великим русским народом. Это вопрос о борьбе с пан-исламизмом и прочими контрреволюционными и антисоветскими течениями.

Прекрасной традицией письменной казахской литературы всегда была ориентация на великую культуру русского народа. И Ибрай Алтынсарин, и Абай Кунанбаев все свои взоры и надежды обращали не на исламистский Восток, тянулись не к восточной культуре, а к литературе и культуре великого русского народа. И не случайно же, что писатели контрреволюционной Алаш-орды отреклись от этой традиции и устремились к гнилой культуре дряхлого Востока. Борьба с проявлениями низкопоклонства в казахской литературе есть борьба за традиции Абая и Джамбула и против тлетворного влияния исламистского Востока и буржуазного Запада.

Вторым важнейшим вопросом, на котором проверяется идейная чистота и ясность казахских писателей, является вопрос об отношении к феодально-родовой старине.

Писателю, зараженному духом буржуазного национализма, свойственна идеализация этой старины. Он не хочет видеть, что в этой старине идиллии-то как раз и не было. Жестокая классовая и родовая борьба, эксплоатация ханами и баями бедноты, тройной гнет царя, бая и муллы, дикая отсталость, — вот что было в этой старине. Между тем некоторые писатели делают вид, что этого ничего не было, а было изобилие, чудесные пиры и тои, вольные степи и красивые сильные батыры в них, состязания певцов и дружба между всеми. Налет такого любования золотою стариной лежал даже на первой части такого великолепного произведения, как «Абай» М. Ауэзова. И только решительно поняв и творчески преодолев ошибки подобного рода во второй книге романа, одержал М. Ауэзов блистательную победу.

Пример Мухтара Ауэзова очень поучителен. Он показывает, что только писатель, сделавший правильные выводы из исторических решений ЦК ВКП(б), может достигнуть удачи. Мухтару Ауэзову удалось в своем романе «Абай» правильно ответить на оба главных вопроса, о которых говорилось выше. Мы увидели в его романе жестокую, кровавую и страшную морду феодально-родового строя. Здесь нет родичей, — здесь волки и овцы. Здесь нет идиллии, — жестокая классовая борьба.

Мухтар Ауэзов сумел также правильно показать две России. Он показал Россию колонизаторов и чиновников и Россию демократическую, Россию великого русского народа. Ауэзов прекрасно раскрыл, как много сделала русская культура и ее передовые люди для Абая и для казахского народа. Писатель не идеализировал Абая, не осовременил его. И эта верность исторической правде и сделала роман современным в самом лучшем смысле этого слова.

Решения ЦК по идеологическим вопросам призвали советских писателей повернуться к современной теме. Можно смело сказать, что казахские писатели горячо откликнулись на этот призыв. Количественно сделано уже очень много, и это надо всячески приветствовать. Но что касается художественного качества произведений на современные темы, — здесь остается желать еще лучшего.

Даже такой мастер прозы, как Мухтар Ауэзов, свою полуочерковую повесть на современную тему — «Стойкое племя» написал неряшливо и торопливо. Конечно, о традиционной старине писать куда легче. Любопытно, что в любом произведении казахских писателей на современную тему прошлое присутствует обязательно. Оно присутствует и в виде многочисленных вводных легенд, сказаний, старинных поговорок, изображения старинных обычаев, в любовном показе «мудрых стариков». Причем вся эта «национальная экзотика» всегда используется с блеском, со смаком, с любованием, а о партийной работе или о соцсоревновании пишется обычно, что они «дружно кипели» или «повседневно проводились».

Я не против фольклора и не против чудесных стариков, но не кажется ли товарищам казахстанцам, что в этом чрезмерном любовании национальной экзотикой есть также элемент, я сказал бы, национальной ограниченности.

Мне хочется призвать казахских товарищей к тому, чтобы они смелее и решительнее показывали новое в жизни и быте казахского народа. Это труднее, чем идти старой протоптанной дорожкой, но зато какая это честь — быть новатором! Поэтому мне хочется бережно и внимательно отнестись к первым произведениям казахских писателей на современные темы.

Я начну с романа С. Муканова «Сыр-Дарья». Муканов взялся за большое дело. Показать, как преобразуется пустыня, — можно ли найти тему благороднее и лучше! Ему многое удалось. Лучшее здесь — дружба русского инженера Полевого и старого казаха Сырбая. Это не «символическая» дружба. Их дружба рождается в труде. Оба они — новаторы.

Удачей я считаю и образ Айбарши, девушки-бригадира. По Муканову совсем не удался главный образ — начальника строительства Байжана. Он и не мог удаться, так как исходил Муканов из совершенно неверных установок.

В романе есть место, где автор беседует со своим читателем. В этом разговоре с читателем Муканов как бы излагает свое писательское кредо. Оно, это кредо, очень любопытно. Вот этот разговор:

«Дорогой писатель, — скажет нам такой читатель, — я все-таки не вполне понимаю ваши замыслы. Из-за чего же огород было вам городить, если под конец действие сползло на описание каких-то случайных лиц, второстепенных героев, событий мелочных и малозначащих?»

Между прочим, упрек законный. На это читателю Муканов отвечает:

«Вряд ли могли бы мы полно ответить на этот вопрос, если бы на жизненном пути Байжана и Гюльнар не встало страшное препятствие — война. Не было бы ее, и романа, пожалуй, не было бы, ибо роман — это почти всегда коллизия, конфликт, трагедия, а если в нашем романе — только свободная, счастливая любовь, хорошая, крепкая семья, здоровые нормальные люди, то где же здесь возникнуть «роману» в классическом смысле этого слова?»

Итак, война «спасла» писателя и его роман.

Как видите, Муканов исходит из совершенно неверного представления о том, что обычная нормальная, мирная жизнь советских людей «не интересна» для читателя, не содержит в себе коллизий, достойных романа. Вот как говорит его герой, начальник строительства, о своей работе. «Да, я боялся трудностей, а их и не оказалось. Была бы нехватка рабочих рук, нехватка материалов, инструментов, средств, тогда бы пришлось изворачиваться. Но ведь у нас и того, и другого, и третьего было вдосталь».

Что же он делал в таком случае, этот начальник строительства? Он говорит о себе: «Все так работают, как будто праздник справляют. И я чувствовал себя просто председательствующим на этом празднике».

Ну, если изображать начальника строительства этаким тамадою, а наши стройки, как некий той — пир, то это значит не знать подлинной жизни, заранее обречь себя на неудачу.

И так как Муканов думает, что строительство на Сыр-Дарье само по себе и труд советских людей сам по себе не могут заинтересовать советского читателя, то он и уходит от своей генеральной темы в сторону. Он начинает искать и выдумывать «конфликты», создает запутанные авантюрно-детективного типа истории, — и искренно думает, что это и должно заинтересовать нашего читателя. Но читателю это-то и неинтересно. Ему хотелось бы больше узнать о том, как в труде, в борьбе побеждается пустыня.

Наш советский читатель сам — человек труда, сам — работник-строитель, и он не может не интересоваться тем, как трудятся другие люди.

Неверие в то, что конфликт романа можно построить на показе людей в труде, и привело Муканова к неудаче.

Все это говорит о том, что наши писатели еще недостаточно знают жизнь, еще не умеют видеть в ней главное. Это относится и к многим русским нашим писателям, и об этом замечательно говорил А. А. Фадеев на втором с'езде советских писателей Украины.

Позвольте перейти к разбору другого значительного произведения современной казахской литературы, романа Мустафина «Миллионер». Г. Мустафин давно уже работает над современной темой. Его повесть «Шиганак Берсиев», несмотря на имевшиеся в ней отдельные недостатки, есть очень интересное произведение. Оно интересно как раз потому, что писатель все свое внимание и всю художественную силу посвятил показу человека в труде.

Сейчас тов. Мустафин написал роман «Миллионер». Это куда более широкое полотно, чем первая повесть. Превосходен замысел романа, весь устремленный в будущее. Я не согласен с тов. П. Скосыревым, который на страницах «Литературной газеты» критиковал один из центральных образов романа Мустафина — кузнеца Ахмета. П. Скосырев высмеял Ахмета, приписав ему желание «войти в коммунизм в индивидуальном порядке». Между тем, здесь прав Мустафин, а не Скосырев. Мустафин подсмотрел новое, совсем новое в казахском колхозе.

Роман начинается с борьбы, которую подымает молодой Жомарт против председателя колхоза — старого Жакыпа. Оба они коммунисты, оба хорошие люди, но Жакып вполне доволен тем, что есть, а Жомарт мечтает о большем и лучшем. Жомарт предлагает «большой план».

Убедительно и интересно показана борьба за утверждение этого «большого плана». Но вот уже в первой части романа этот «большой план» утвержден. Теперь-то и надо показать, как в борьбе с трудностями осуществляется этот план, как он меняет, подымает, переделывает людей. Но у Мустафина как раз на это и нехватило силы. По существу, его роман кончился с принятием плана, а дальше пошли уже никому не интересные жанровые картинки, топтанье на месте.

Как видите, причина неудачи второй части романа Мустафина схожа с причинами неудачи «Сыр-Дарьи». Это все то же неумение показать наших людей в труде.

Недостатком многих казахских романов является слабое изображение в них темы партийного руководства. Нельзя сказать, что партийные руководители совершенно не присутствуют в этих произведениях. Теперь все понимают, что нельзя правдиво описать нашу жизнь, не показав роли партии. Поэтому в каждом романе казахских писателей есть и секретари райкомов партии, и партийные руководители, и партийная работа. Но о партийной работе некоторые казахские писатели пишут скучно, просто скучно, казенно. А о партии нельзя писать скучно, о партии надо писать вдохновенно и поэтично.

Как обычно показывается в этих романах партийный руководитель, секретарь райкома? Меньше всего показывается он, как организатор борьбы и побед, меньше всего, как вожак масс. Чаще всего он в этих романах занимается тем, что устраивает личное счастье героев, благословляет свадьбы, разбирает сплетни, ободряет стариков. Конечно, партийным работникам приходится заниматься и этим, но в этом ли сущность партийного руководства?

Любопытно еще одно явление, на которое я невольно обратил внимание. Читая ряд казахских романов на современные темы, я ловил себя на том, что начал путать персонажи одного романа с персонажами других, настолько они похожи. Создалось впечатление, что в этих романах появляются уже готовые традиционные маски, как это и было в старом фольклоре. Вот примеры. В каждом романе обязательно есть мудрый старик: у Муканова это Сырбай, у Мустафина это Шиганак; есть своенравная девушка-бригадир: у Муканова — Айбарша, у Мустафина — Жанбота; обязательно есть жулик-бухгалтер; у Мустафина — Айдар, у Муканова — Тыртык; обязательно есть классовый враг с темным прошлым и обязательно он из технической интеллигенции; и наконец, обязательно есть благородный секретарь райкома партии и «оппортунист» — председатель райисполкома. Почему председателям райисполкомов выпала такая незавидная роль в этих романах, я понять не могу.

Все это свидетельствует о неглубоком, а часто и несерьезном отношении к правде жизни. Видно, еще слабо знают некоторые казахские писатели сегодняшний день своего народа.

Для казахской современной литературы характерна также и узость тематики. На это справедливо указывал казахским товарищам секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Шаяхметов. В большинстве своем современные казахские романы — романы о сельском хозяйстве. Но за годы советской власти, следуя мудрым предначертаниям товарища Сталина, Казахстан стал могучей индустриальной республикой, и я спрашиваю моих казахских друзей: где ваши романы об угольной Караганде, где романы о Балхаше, о Чимкенте?

Правда, в казахской литературе появилось много очерков. По своей тематике они широко охватывают жизнь казахской республики. Однако написаны они в большинстве на низком художественном уровне.

И мне кажется, что один из самых главных вопросов для развития современной казахской литературы есть вопрос о художественном мастерстве.

На совещании писателей в ЦК КП(б) Казахстана Сабит Муканов изложил свою «эстетическую теорию». Он сказал: «Наши произведения должны быть понятны не только профессорам, учителям, интеллигенции, но и низам народа, т. е. рядовым колхозникам, пастухам и т. д. Иной раз обвиняют меня, что Муканов не употребляет высокого стиля, иной раз мои произведения отдельным людям, у которых развит эстетический вкус, могут показаться слишком простыми. Это я делаю сознательно».

Таким образом, тов. Муканов подводит «теоретическую базу» под свои художественные слабости. Я также за простоту, но есть простота Пушкина, доступная всем, в том числе в переводах Абая казахским пастухам, но есть другая простота — простота от неумения, от несовершенства. Проще называть ее примитивом. Я против такой простоты. Чтобы произведение было доходчивым, чтобы оно дошло до каждого читателя, оно должно быть высокохудожественным.

Поэтому я призываю и казахских писателей, да и всех нас к борьбе за высокое художественное мастерство. Это относится и к нашим русским писателям, и ко мне, и ко всем нам.

До самых последних лет казахская поэзия всегда шла впереди казахской прозы. Она имела такую блистательную вершину, как Джамбул. В Казахстане выросли талантливые поэты: Жароков, Бекхожин, Аманжолов, Орманов и другие.

Но за последние годы казахская поэзия стала отставать от прозы, и, по-моему, в этом нет ничего случайного. Это закономерно. Это произошло именно потому, что казахские прозаики повернулись к современности. А казахские поэты все еще находятся в плену фольклора, все еще по-настоящему не вышли на широкую дорогу современной темы. И чем скорее казахские поэты вырвутся из старого плена, перестанут писать абстрактные и декларативные поэмы, начнут создавать живые и реальные образы наших людей, смелее станут на путь реализма, тем скорее выйдет казахская поэзия на широкую дорогу.

В самом деле, пора уже перестать сравнивать воинов нашей армии с орлами и беркутами. Какой беркут может сравниться с казахом Кашкарбаевым, который на моих глазах вместе с другими товарищами водружал знамя победы над рейхстагом? Чтобы показать такого героя, нужен совсем иной поэтический строй, иные образы, иная поэзия — поэзия социалистического реализма.

Товарищи! Я пытался сегодня прямо и честно, как приличествует товарищу, уважающему своего товарища по труду, сказать все, что я думаю о современной казахской литературе. Я пытался разобраться в том, что есть хорошего и что есть плохого в современных произведениях казахских писателей. Я помню казахскую поговорку: «Плох тот нос, который чувствует только дурные запахи».

От казахской литературы веет здоровым духом, духом силы, бодрости и веры в свое будущее. Мне хочется пожелать казахской литературе, которую я полюбил, и казахским писателям, которые стали мне друзьями, не успокаиваться на том, что уже сделано, требовательнее относиться к своим произведениям, помнить, что нет большего счастья для всех нас, как творить, отдавая все свои силы без остатка великому делу Ленина — Сталина.

Армянская советская литература и вопросы классического наследства

Содоклад заместителя генерального секретаря ССП СССР К. Симонова

А. Сирас выступил перед нами с докладом о состоянии армянской литературы, литературы, за спиной которой богатейшее прошлое и которая сейчас обладает творческими кадрами, позволяющими ей претендовать на одно из ведущих мест среди братских литератур народов Советского Союза.

А. Сирас, приведя ряд бесспорных примеров отдельных достижений армянской литературы, однако, к сожалению, не поставил здесь перед нами вопрос о причинах общего, реально существующего отставания армянской литературы от современности с той резкостью и прямотой, с какой этот вопрос стоял на месяц назад закончившем свою работу XIV с'езде коммунистической партии Армении, где в своем отчетном докладе секретарь ЦК КП(б) Армении тов. Г. А. Арутюнов говорил:

«...художественная продукция наших писателей явно недостаточна, и до сих пор еще не созданы полноценные художественные произведения, отображающие трудовые подвиги передовиков социалистической промышленности, сельского хозяйства и науки».

К сожалению, приходится установить, что в условиях большого хозяйственного и культурного под'ема сегодняшней Армении, громадного строительства — строительства, в области которого Армянская республика на одном из первых мест в Советском Союзе, — в этих условиях до сих пор армянская писательская организация не сумела сосредоточить все наличные силы литературы вокруг решения ее основных задач, поставленных перед литературой партией в исторических постановлениях осенью 1946 года.

А с этим связан и второй вопрос. Армянская писательская организация до сих пор не занялась серьезным и глубоким анализом тех причин, которые до сих пор создают условия для отставания армянской литературы; тех обстоятельств, которые стоят серьезнейшей помехой на пути ее движения вперед. А между тем, без анализа причин, мешающих росту литературы, просто невозможно двигаться дальше.

Надо сказать, что в целом ряде выступлений армянских писателей и критиков на страницах армянских газет достаточно резко и правильно критиковались отдельные явления, которые мешают развитию армянской литературы. Но все это до сих пор не приведено в систему, не сформулировано достаточно серьезно и резко, и борьба с этими явлениями не стала одной из основных идейных задач работы Союза писателей Армении.

А между тем вопрос, хотя очень серьезен, но он в то же время и очень прост. Вопрос идет о существовании двух разных и борющихся между собой традиций в армянской советской литературе, о борьбе этих двух традиций, проявляющихся непосредственно и в выборе тем для произведений, которые пишутся сейчас, и в методах решения задач, стоящих перед художниками, и в отношении к классическому наследству армянской литературы.

С этого последнего я и хочу начать.

Полтора года тому назад, на прошлом пленуме, А. А. Фадеев говорил об армянской литературе, что:

«...Нам нужно, чтобы все силы сплотились против действительных идейных противников, чтобы была та идейная ясность, при которой только и можно правильно работать».

Я утверждаю, что несмотря на отдельные положительные сдвиги, в целом вопрос обстоит так же и сейчас.

И, прежде всего, этой ясности нет по вопросу о традициях, по вопросу о классическом наследстве, по очень важному вопросу о том, наследницей каких писателей и литературных деятелей считает себя советская армянская литература, что она берет в наследство, что принимает с оговорками и что вообще отвергает.

Новая армянская литература, начиная с середины XIX века и до установления в Армении советской власти, проделала большой и сложный путь. Трагические обстоятельства жизни армянского народа, неслыханные избиения армян, совершенные в XIX и XX вв. турками, избиения, в значительной мере спровоцированные империалистическими западными дипломатиями, с одной стороны; национальный гнет официальной царской России, с другой,—все это предопределило то, что буквально все сколько-нибудь крупные и честные армянские литераторы на протяжении этого времени, в той или иной мере, поднимали в своих произведениях вопросы национального освобождения и национальной самобытности.

Но, к сожалению, некоторые армянские литературоведы, критики и писатели сейчас делают из этого факта совершенно неверные выводы. В целом ряде работ, статей, предисловий к различным книгам и сборникам, иногда в открытой, иногда в более или менее зашифрованной форме, проводится мысль о приятии всего классического наследства целиком, без какой бы то ни было диференциации.

А между тем, это далеко не так. В новой армянской литературе, почти с самых истоков ее, существуют две тенденции, две борющихся между собой линии.

Ленин говорил:

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная...»

Это определение целиком относится и к армянской национальной культуре.

В 1902 году в своей не произнесенной и напечатанной впоследствии на гектографе речи по поводу 40-летнего юбилея известного литератора и либерального деятеля Газароса Агаяна Степан Шаумян писал:

«...мы заявляем, что не принимаем от вас никакого наследства, что наши пути совершенно различны. Вместо национально-культурной деятельности, которой вы посвятили по преимуществу ваши силы, мы проповедуем политическую революционную борьбу».

Таким образом, еще в 1902 году Степан Шаумян ставил точки над «и» по вопросу о том, что принимают и что не принимают революционеры в литературе и культуре Армении.

Там же, обращаясь к армянским либералам, Шаумян продолжал:

«И вы осмеливаетесь называть себя свободомыслящими — прогрессистами. Не оскорбляйте, прошу вас, священной памяти русских свободомыслящих. Не смейте даже называть себя преемниками Налбандяна и Ардруни. Если они теперь были бы живы, они в худшем случае сломали бы свои перья и ни за что не согласились бы быть писателями, подобными вам».

Как мы видим, здесь Шаумян прямо назвал имя великого армянского критика, философа, революционного демократа Микаэла Налбандяна, имя, с которым для Шаумяна были связаны самые ценные традиции армянской литературы.

Микаэл Налбандян, следуя передовым идеям своего времени, идеям русских революционных демократов Чернышевского и Добролюбова, еще тогда, в 60-е годы, боролся с буржуазным либерализмом, с узким, однобоким, устремленным в прошлое пониманием нации и национального вопроса. В своей статье «Земледелие как верный путь» он писал:

«Если люди понимают под национальностью нечто целое, что когда-то существовало, чьи покрытые вековой пылью памятники заставляют биться и их сердца, если их понимание национальности берет начало из путаных преданий прошлого, а не основано непосредственно на нынешнем поколении и нынешних условиях, если они думают показать свою национальность в тех же рамках, что и раньше, тогда эта национальность будет жить всегда как бесплодная идея».

И далее:

«Вперед... Только там мы можем встретить обновляющее и бурное возрождение нашей нации».

И это «вперед», которое он провозглашал, не есть либеральное «вперед» вообще, это «вперед», которое говорит революционер и борец. И смысл этого сказанного им революционного «вперед» с предельной точностью расшифровывается в его стихотворении «Свобода».

Свобода! — и пускай враги
Ждут, гибелью грозя!
Пускай огонь, пускай ни зги,
Пускай ревет гроза!
До виселичного столба
Я руки к ней тяну.
Свободу милую любя,
Одну, ее одну!

Вот где истоки той классической традиции армянской литературы, которые нам дороги в первую очередь. Там же, где истоки русской передовой мысли и литературы XIX века,—в творчестве Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Щедрина. Ибо это явления одного порядка, элементы демократической и социалистической культуры, как говорил Ленин.

Я подчеркиваю огромное значение наследства Налбандяна не только в силу его собственного значения, но и в силу того, что высказанные им взгляды далеко вперед, вплоть до начала XX века, как прожектор, освещают все явления армянской литературы и делят их на действительно революционные, глубоко прогрессивные и на половинчатые, буржуазно-либеральные, национально ограниченные по их духу и смыслу.

С этой точки зрения мы должны высоко оценить творчество Шахазиза, Цатуряна, Шушаник Кургинян и, конечно, творчество основоположника пролетарской поэзии Армении Акопа Акопяна.

Армянская советская литература, безусловно, является наследницей не только творчества писателей, с именами которых в армянской литературе непосредственно связаны революционные демократические традиции. Армянская советская литература является наследницей всего богатства армянской классики, и здесь, конечно, надо назвать имена Ованеса Туманяна, Ованеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна.

Волна народного демократического движения мощно ворвалась в творчество и этих крупнейших представителей армянской литературы.

Принимая их творчество в наследство, мы должны в первую очередь выделить в нем самое дорогое для нас, прогрессивное, революционное, созвучное революционно-демократическим стремлениям народных масс Армении, в то же время трезво отдавая себе отчет, что далеко не все творчество этих крупнейших поэтов может быть воспринято как приемлемая для нас традиция, ибо они отдали — одни в меньшей, другие в большей степени, особенно в эпоху реакции, наступившую после 1905 года, — большую дань современному им символизму и декадансу.

Стремление поставить творчество всех этих трех поэтов на одну доску, стремление изобразить их полными единомышленниками — стремление неверное. Ованес Туманян, как поэт, в творчестве которого особенно остро и сильно проявились народные демократические тенденции, был на голову выше других своих современников, даже таких бесспорно высоко одаренных, как Иоаннисиан и Исаакян, в произведениях которых эти традиции проявились с меньшей силой и страстностью.

Мне могут сказать в ответ на все это, что я ломлюсь в открытые двери, что творчество всех названных мною поэтов и писателей давно разобрано и что в этом споре у меня нет противников.

Нет, эти противники есть, и если обратная точка зрения не всегда открыто находит свое отражение на страницах печати, то она проводится скрыто, тихой сапой и проводится очень последовательно и настойчиво.

Еще в 1916 году Степан Шаумян, рецензируя сборник армянской литературы, вышедший в издательстве «Парус», писал:

«При взгляде на перечень переведенных поэтов у нас возникает вопрос: почему нет в их числе Акопа Акопяна? Быть может, редакторы, не будучи высокого мнения о его поэтическом таланте, не сочли достойным упомянуть его на армянском Парнасе? Напрасно! У нас имеется целый общественный слой — приходящие к сознанию армянские рабочие массы, для которых Акоп Акопян — признанный поэт... Если армянские рабочие массы имеют какое-либо значение в армянской действительности, их поэт, несомненно, должен был найти место в этом сборнике...»

Меня могут спросить, почему мне понадобилось забраться в 16-й год и приводить этот пример, но я его привел не для того, чтобы лишний раз процитировать прекрасные слова Шаумяна, а лишь для того, чтобы вслед за этим сказать, что борьба двух течений в армянской литературе, проявившаяся при составлении этого сборника, — не есть дело только истории,—она продолжается и сейчас. В армянской «Литературной газете» в июле этого года напечатана статья проф. Меликяна, представляющая собой рецензию на вышедший в 1946 году огромный том «Избранных страниц армянской литературы».

«Составители, — пишет проф. Меликян,—проглядели борьбу демократии против напионалистического романтизма... грубым образом недооценены демократические писатели и созданные ими произведения о социальной борьбе и переоценены заслуги писателей-формалистов, игравших в жизни армянского народа незначительную или даже мизерную роль. Например, в «Избранных страницах» вопиюще недостаточно представлен Микаэл Налбандян. В «Избранных страницах» мы не находим социальных разоблачений Прошяна, знаменитых лирических жемчужин Ованесяна, Цатуряна и Туманяна, осуждающих социальные несправедливости.

Недостаточно места уделено основателю советской армянской литературы Акопу Акопяну. Боевая позиция Акопяна представлена слабо. Не включено знаменитое программное стихотворение «Националистам...»

Как мы видим, история повторяется. Произведениям Акопа Акопяна, о которых всюду и везде, во всех антологиях и сборниках, вы можете прочесть прекрасные слова, что он является основоположником армянской пролетарской поэзии, не нашлось достойного места в «Избранных страницах» армянской литературы.

Этот сборник не одинок. Рядом с ним я с полным правом могу назвать еще два сборника, вышедшие в Армгизе на русском языке: один — в 1941 году, а другой—в 1946 году. Один называется «Об армянской литературе», а другой называется «Русские писатели об Армении».

Добрую половину первого из этих сборников составляют статьи, заметки и письма профессора Юрия Веселовского, статьи абсолютно идеалистического толка, о которых не всегда можно даже сказать, что они либеральные.

В этом же сборнике, и тоже без всякого критического отношения к ней, напечатана статья В. Брюсова «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» — статья, написанная с позиций воинствующего символизма, с позиций сугубо эстетских.

Пороки этого сборника в усугубленном виде повторились в сборнике «Русские писатели об Армении», изданном в 1946 году.

Этот сборник снабжен обширным предисловием, в котором перечислены и обласканы буквально все русские писатели, известные, полуизвестные и никому не известные, когда-либо, что-либо писавшие об Армении и армянах. Причем, о том, что в советское время «тема Армении становится одной из широко распространенных тем у русских поэтов и прозаиков», сказано с тем же самым эпическим спокойствием, с каким за три страницы до этого сказано, что:

«Для символистов и акмеистов интерес к Армении был вполне закономерен. Для обеих школ был типичен интерес к новым, неизведанным странам».

Раньше этот интерес был типичен для акмеистов, теперь — для современных советских поэтов. Разницы, как мы видим, никакой!

Не случайно, что в этом беспринципном сборнике, где все свалено в одну кучу, рядом с произведениями никому не известных Степана Кроткого, Якова Барановского и А. Кулебякина, видное место занимает цикл стихов третьесортного беллетриста, кстати сказать, впоследствии эмигранта, Василия Немировича-Данченко, писателя, целиком стоявшего на охранительных, реакционнейших позициях.

Дальше этой неразборчивости и беспринципности, которую проявили составители сборника С. Арешян и Н. Туманян, поистине итти некуда. Но в то же время в этой беспринципности есть свой принцип: есть все та же тенденция, проявившаяся и в сборнике, изданном в 1941 году, и в подборе «Страниц армянской литературы» — тенденция замазать существование двух путей развития национальной литературы и культуры, замазать разницу в отношении к Армении русского советского социалистического общества и старого русского общества времен царской России в лице либеральных и консервативных кругов.

Недавно в Армении вышел из печати критический сборник «Проблемы советской литературы». В нем под одной крышей ужились несвободные от ошибок, но в основном полезные статьи, такие, как статья Топчяна «О социалистическом реализме» или Киреняна «О значении русской литературы для советской армянской литературы», с такой, безусловно, вредной и порочной статьей, как статья Гюли-Кехвяна «Наследие классиков и советская армянская литература».

Я принужден специально остановиться на этой статье, потому что она стоит в том же ряду проявлений враждебной тенденции, о котором я говорил, приводя все предыдущие примеры. Эта статья от начала до конца проникнута воинствующим идеализмом. Под дымовой завесой цитат и высказанных вначале общих положений в статье спрятана сугубо эстетская, асоциальная и формалистическая оценка классического наследия армянской литературы.

Нет никаких сомнений в том, что основная часть армянского литературоведения и критики стоит на правильных партийных позициях, но для того, чтобы повести за собой литературу по тому пути, на который указывает партия, — армянская критика, литературоведение, руководство армянским Союзом писателей должно усилить борьбу с тем идейным противником, который реально сегодня существует, и разбить его, мобилизовав вокруг этой борьбы все лучшие, все здоровые кадры армянской литературы.

Мало преклоняться перед заслуживающими преклонения Налбандяном и Шаумяном. Надо работникам литературно-критического фронта Армении задуматься над тем, какую роль по отношению к современной им литературе играли Налбандян или Шаумян, как они выдвигали в этой литературе передовое и отметали отсталое, как они вели за собой эту литературу по революционному пути.

У лучших, здоровых, передовых критических кадров Армении есть все основания выполнять такую же роль по отношению к современной армянской литературе.

До сих пор я говорил о причинах, мешающих под'ему армянской литературы на месте, в Армении. Сейчас мне остается остановиться на причинах, мешающих этому развитию здесь, у нас. И прежде всего —на политике, какой руководствовалось последние годы наше издательство «Советский писатель» в издании армянской литературы в переводах на русский язык.

Передо мной три книги, связанные с именем одного из видных современных армянских писателей — Стефана Зоряна.

Первая книга — второй том сборника «Армянские новеллы», вышедший в издательстве «Советский писатель» в этом году (редактор Л. Скорино). В нем творчество Стефана Зоряна представлено шире, чем чье бы то ни было, — пятью рассказами. В примечании к сборнику мы читаем: «Зорян Стефан, выдающийся армянский прозаик. Сын крестьянина. Излюбленным его жанром является новелла. По своей творческой манере Стефан Зорян близок к А. П. Чехову. Октябрьская революция расширила кругозор писателя. Гражданская война, перестройка города и деревни, прошлые судьбы родного народа нашли в Зоряне своего яркого, верного истолкователя и изобразителя».

Но почему же из всех пяти рассказов, представляющих творческое лицо писателя, «кругозор которого расширила Октябрьская революция», самый последний рассказ датирован 1916 годом?

Позвольте спросить: что это за метод составления сборника? Что это за издательская политика? Но, может быть, это случайность? Может быть, в других книгах Зорян представлен правильным образом?

Откроем его книгу повестей и рассказов «Яблоневый сад», только что изданную «Советским писателем» (редактор С. Кирьянов).

Читаем предисловие. В нем написано:

«В произведениях Стефана Зоряна дооктябрьского периода преобладает художественный показ жизни крестьян, жителей захолустья с их полупатриархальным бытом и психологией. В послереволюционных произведениях дается мастерское изображение империалистической и гражданской войн, социалистического переустройства в городе и деревне».

И далее:

«Из послереволюционных произведений Зоряна следует особо отметить «Девушка из библиотеки», «Председатель ревкома», «История одной жизни» и исторический роман, написанный в годы войны, «Царь Пап».

Открываем книгу. Ищем «Девушку из библиотеки». Нет. «Председателя ревкома». Нет. «Историю одной жизни». Нет. Прочитываем всю книгу. Обнаруживаем, что из 17 помещенных в ней произведений 16 написаны до революции.

Но ведь Зоряну, когда произошла революция, было 27 лет. Одно из двух: или у Стефана Зоряна нет произведений о современности, которые бы по своим художественным достоинствам имели бы право составить подавляющее большинство в сборнике, или такие произведения у него есть, и я думаю, они у него действительно есть, но они не включены составителем, не одобрены редактором и не выпущены издательством, которое, очевидно, считает, что показ жизни дореволюционного захолустья, как сказано в предисловии, интереснее советскому читателю, чем «мастерское изображение социалистического переустройства города и деревни» (я снова цитирую предисловие).

И, наконец, в качестве того, что «особо нужно отметить», в предисловии фигурирует исторический роман «Царь Пап» (редактор А. Шишко).

Возьмем в руки этот роман, кстати сказать, выпущенный хотя и в 1946 году, но подписанный к печати уже после исторических постановлений партии по идеологическим вопросам.

Из статьи профессора И. Кусикяна «Армения в IV веке нашей эры», помещенной в качестве послесловия к роману, мы узнаем о «Царе Папе» целый ряд самых разнообразных сведений. Мы узнаем, что:

«Царь Пап, обладавший незаурядными способностями дипломата, не был согласен с политикой односторонней ориентации Нерсеса на Византию. Царь понимал, что для создания устойчивого международного положения Армении необходимо считаться и с теми силами внутри государства, которые тяготели к Персии». Что, «желая увеличить население Армении, Пап отменил установленные церковью брачные правила и даже разрешил многоженство...» Наконец, мы узнаем, что «легендарная характеристика личной безнравственности Папа была закреплена в исторических трудах V века».

Хорошо все это или плохо мы из послесловия не узнаем. Не узнаем мы из послесловия также и того, почему читатели шестнадцати союзных республик должны заинтересоваться изданным всесоюзным издательством в 15000 экземпляров жизнеописанием «Царя Папа», жившего в IV веке нашей эры и колебавшегося между византийской и персидской ориентацией политики армянских феодалов.

Это останется неясным ни из послесловия, ни из самого романа, в котором, под покровом поверхностного социологизирования, скрыта самая настоящая и последовательная идеализация феодального прошлого Армении.

Для того, чтобы не быть голословным, я просто процитирую несколько строк эпилога, отражающих общий стиль романа.

«Убийство царя потрясло Армению и ввергло **всех** в глубокую печаль. Князь и крестьянин **одинаково** чувствовали себя оскорбленными... Но армянский народ и тогда, и много лет спустя не забывал Папа, **особенно** крестьяне, которые не видели его погребения и не верили, что он умер». (Подчеркнуто мною.—**К. С.**).

Цитата, кажется, достаточно говорит сама за себя, но позвольте мне, вместо комментария к ней, привести другую очень похожую на нее цитату:

«Итак, унесли, похоронили этого мудрого, любимого всеми царя... О том, как великолепны были его похороны, и о том, как любили его близкие ему люди и народ, передает нам предание».

Откуда эта вторая цитата, — спросите вы, — тоже из «Царя Папа»? Нет! Это цитата из книги В. Папазяна, изданной в 1912 году Армянским культурным союзом, из книги о царе Арташесе.

Это место цитирует Степан Шаумян в написанной им тогда же по этому поводу статье «В. Папазян в роли историка».

«Как чарующе-пленительна картина, нарисованная господином Папазяном,— пишет Степан Шаумян, — как счастливы были наши предки, жившие в дни столь милостивого и чудотворного царя».

И дальше, переходя от иронии к гневу, Степан Шаумян заключает:

«...трудно себе представить, до какой степени Папазян и его друзья, повествуя об этих и других царях и князьях—о Трдата, Вардане и Ваане, Мамиконянах, Григории Просветителе, Нерсесе, святых отцах Саака и Месропе и о многочисленных иных «великих мужах армянской нации»,—до какой степени восхваляют и идеализируют их...»

А теперь зададим себе вопрос, справедливо ли в книгах, изданных издательством «Советский писатель», представлен действительный облик советского писателя Стефана Зоряна? Нет, не справедливо. Что же это тогда? Политика издательства? Если так, то надо признать, что это политика, идущая абсолютно вразрез со всеми указаниями партии по идеологическим вопросам. Совершенно очевидно, что издательство здесь пошло на поводу у составителей и переводчиков и тех отдельных представителей армянской критики и литературоведения, которые отражают в своей работе вредную эстетскую позицию в литературе, позицию, открыто противопоставленную тем задачам, которые ставит перед нашей литературой партия.

Вместо того, чтобы поддерживать требование партии о решительном повороте армянской литературы к современности, издательство «Советский писатель» изданием таких книг дезорганизует писательскую общественность Армении и поддерживает всех, кто сопротивляется этому повороту, кто цепляется за пыль веков, кто до сих пор считает декадентство вершиной искусства и кто не желает по-настоящему узнать, понять и описать современную советскую действительность, найти красоту в ней, а не в IV веке.

Хочу остановиться еще на одном примере, подтверждающем все ту же мою мысль. Перед нами книга, вышедшая в «Советском писателе» в 1947 году, — драматическая поэма Наири Заряна (редактор С. Бородин) «Ара Прекрасный». Поэма написана во время войны в 1943 году, но издана на русском языке в 47-м году. Я считаю, что эта книга серьезная творческая неудача талантливого советского писателя Наири Заряна. И не только просто творческая неудача, но и временная сдача им тех боевых позиций писателя-коммуниста, убежденного певца современности, позиций, которые по заслугам выдвинули Наири Заряна в первые ряды писателей Армении. В книге «Ара Прекрасный» он эти позиции сдает и, идя на поводу у любителей архивной пыли, избирает предметом своего изображения записанную в V веке мифическую историю о любви ассирийской царицы Семирамиды к армянскому царю Ара Прекрасному.

Предположим, Наири Зарян сделал неверный шаг в своем творчестве, отступил на какое-то время со своих позиций передового борца за боевую советскую армянскую литературу. Предположим даже, что эту книгу издали в Армении, где действительно в народе бытуют некоторые легенды об Ара Прекрасном, издали, и эта поэма была справедливо раскритикована. Но зачем же после этого ее в 1947 году издавать в Москве на русском языке во всесоюзном издательстве?! Зачем это нужно политически?

Налбандян писал:

«Мы на опыте убедились, что наш простой народ очень часто более свободен от ярма средневековья, чем наши почтенные литераторы. После средних веков до наших дней прошли и новые века. Если века не зря протекли, то, естественно, эти новые века более или менее ослабили влияние средневековья на наш народ. Но наши господа, постоянно плавая в этом смолистом сосуде средневековья... стараются обновить и закрепить за нацией господство этого мрачного направления».

Я меньше всего настроен переадресовать эту жестокую характеристику Налбандяна ко всему творчеству Наири Заряна. Я убежден, что «Ара Прекрасный» в его творчестве только печальный эпизод. Но хочется, чтобы он понял, что этим эпизодом он сыграл на руку тем, о ком писал Налбандян, тем, кто до сих пор еще сознательно и убежденно плавает в этом смолистом сосуде средневековья, и очень жаль, что издательство «Советский писатель» изданием этой книги тоже сыграло на руку именно этим людям, о которых очень верно говорит в одном из своих стихотворений молодой талантливый армянский поэт Геворк Эмин. К сожалению, я принужден процитировать это маленькое стихотворение пока в прозаическом переводе:

«Другу архитектору.

Ты любитель древних памятников. Я тоже люблю наши старинные памятники. Когда-то они для меня тоже служили щитом, когда о новых памятниках я не умел писать. Я люблю наши древние памятники, но больше всего я люблю то, что рядом с каждым древним памятником мы воздвигаем новый. А ты копаешь старые могилы и любуешься только мощами, вынутыми оттуда. Если б наши предки любили старину, как ты, кто бы строил в свое время те памятники, которыми ты любуешься сейчас?»

В заключение мне хочется остановиться на одной рукописи, которая лежит в издательстве «Советский писатель» и намечается к изданию в 1949 году. Это рукопись романа Наири Заряна «Ацаван» — произведение большое и талантливое, которое, безусловно, должно быть поддержано нашим издательством и нашей писательской общественностью.

Но здесь я хочу поставить вопрос о том, что значит слово «поддержка», потому что есть поддержка формальная, ленивая, беспринципная и есть поддержка деловая, настоящая, принципиальная.

Мне кажется, что в Армении, в процессе редактуры романа, да и впоследствии, оценивая его, товарищи оказали Наири Заряну плохую поддержку. Во-первых, они как следует не отредактировали роман, а, во-вторых, как следует не критиковали его серьезных недостатков.

Это роман, написанный о первых годах колхозного строительства в Армении. И написанный в своих лучших частях с позиций сегодняшнего дня. В этом романе есть пафос строительства коммунизма, есть сильные характеры, большая любовь и большая правда жизни.

Но в то же время в романе есть неприемлемые образы, надуманные и вымученные ситуации, безвкусные сцены, торопливо и абсолютно неправдоподобно написанный конец и целый ряд отдельных мест, звучащих политически неверно.

Это тот случай, когда издательство и писательская общественность должны, с одной стороны, помочь автору всеми наличными силами, не щадя трудов, а с другой стороны, — безоговорочно потребовать от него дальнейшей работы над романом.

Говоря о недостатках работы издательства «Советский писатель» и об идейных провалах, допущенных им в области издания на русском языке произведений армянской советской литературы, не снимая ни в коей мере ответственности с издательства, я считаю, что за этот провал в то же время ответственен Союз писателей в целом, и в первую очередь мы — его руководители, из поля зрения которых выпало такое большое политическое дело, как правильная организация переводов с языков братских советских литератур.

И, наконец, последнее.

Я говорил много и резко о недостатках работы армянской литературы, армянского Союза писателей, а в конечном итоге, конечно, и о недостатках работы Союза писателей в целом.

Я делал это вполне сознательно.

14 лет назад А. М. Горький подчеркнул в докладе на с'езде писателей:

«У меня нет никаких причин и желаний выделять их (литераторов братских республик. — **К. С.**) на особое место, ибо они работают не только каждый на свой народ, но каждый—на все народы Союза социалистических республик и автономных областей. История возлагает на них такую же ответственность за их работу, как и на русских».

Нам остается только твердо помнить эти слова Горького и твердо руководствоваться ими при наших взаимоотношениях.

Мне хочется, заканчивая свое выступление, пожелать армянской литературе смести со своего пути все стоящие на нем сейчас препятствия и, победно держа над собой знамя Ленина—Сталина, войти в коммунистическое общество в первом ряду братских литератур Советского Союза.

Печатается по сокращенной стенограмме.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 5-09-66, К 0-36-84.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—04217